

Перед вами книга «Браки заключаются на небесах», написанная талантливым писателем и поэтом Мордэхаем Ильичом Раханаевым, с творчеством которого я познакомилась раньше, чем с ним самим. Знаток литературы, интересный собеседник, человек с философским взглядом на мир, с отзывчивой и доброй душой, умением воспринимать людей такими, какие они есть, не навязывая им свой образ жизни, деликатно намекая (через стихотворение, притчу, анекдот) на возможность выбора лучшего пути в сложившейся ситуации, Мордэхай оживленно и с юношеским запалом обсуждает и корректирует стихи, на ходу сочиняет посвящения и отзывы в сложной чёткой рифме. За время моего знакомства с ним не раз убеждаюсь, что сила его слова побеждает, вдохновляет и возвышается на пьедестале. Являясь тонким знатоком человеческих характеров, поэт воспекает трепетно отдельные моменты жизни своих соклубников, товарищей, заставляя задуматься над истиной и значимостью жизни. Раханаев выделяется скромностью своего характера, ему не нужна большая аудитория для декламаций своих прекрасных произведений.

М. Раханаев репатрировался в Израиль в 1993 году из города Нальчик. Увлекается поэзией и литературой с детских лет. С 2005 года по 2006 год руководил литературной студией «Радар» в городе Хайфа, является членом Союза Писателей Израиля. Перу поэта принадлежат немало произведений и стихов. Ранние стихи лирика вошли в его первый сборник стихов «Недопетые песни мои».

Роман «Браки заключаются на небесах» повествует о чистой высокой любви молодого религиозного парня к своей прекрасной избраннице, о нелёгком пути к достижению её руки и сердца. Любовь и страсть, коварство и предательство – всё это проносится героем романа с достоинством с по-

Сломить мой дух. И слушайте, друзья!
Камнями вашими я водку закусил!

Не все безоблачно в судьбе поэта. Были периоды, когда разочарованный пиит молчал «вслух». Он сознаётся, что день, прожитый без вдохновения, уходит в небытие...

Свое внутреннее состояние души поэт описывает в самых светлых цветах, олицетворяющих чистоту и нежность. Белый цвет символизирует социальную сплоченность, традиционность, праведность, невинность, материнские заботы, высшую Божественную власть. Белым цветом наделяются такие свойства человека, как сознательное исполнение долга, сохранение традиций. В иудаизме белый цвет передаёт значение высокой, чистой сущности, нравственной чистоты.

Во все белое облачусь
И устрою праздник себе,
И в других отгоняя грусть,
Освещу серость будничных дней.

Дождь люблю, но не томность туч,
И поэтому даже в дождь
Во все белое облачусь!
Приходи, буду рад тебе, гость.

Хочу пожелать Мордэхаю Раханаеву творческого вдохновения, потрясающих задумок, захватывающих сюжетов и истинных почитателей.

Член Союза писателей Израиля
Роза Мардахаева-Данилова.

Браки заключаются на небесах

*Благодарение Богу и с Его Помощью,
Благословен Он, предоставляю этот труд
с надеждой, что он будет полезным...*

С любовью, Мордэхай Раханаев.

В талмуде рассказывается история о некоей римской матроне и великом еврейском мудреце рабби Йосе.

Однажды подошла к рабби Йосе римская матрона и спросила праведника:

– Чем это занимается ваш Б-г все время?

– ОН, БЛАГОСЛОВЕННО ИМЯ ЕГО, ЗАНИМАЕТСЯ ПОДБОРОМ ПАР ДЛЯ ЖЕНИТЬБЫ, – ответил рабби.

– И всего-то?! – возмутилась матрона. – Да я за раз переженю своих подданных.

Матрона старательно подбирала своих слуг и служанок для женитьбы. И вот уже все готово, молодые ушли проводить свой первый брачный день.

На следующий день все пары как один пришли к хозяйке. Не осталось мужчины и женщины, чтобы на них не было следов от недавних побоев: у кого лицо в синяках, у кого клочок волос вырван, у кого рука изувечена, у кого – нога.

Они умоляли матрону, чтобы она их развела, ибо нет им жизни под одной крышей.

Пришла матрона к рабби Йосе и сказала:

– Благословен ВСЕВЫШНИЙ ваш, Умеющий подбирать и составлять пары.

Ответил рабби Йосе:

– Это также сложно, как и разверзнуть воды Красного Моря.

Мольба

– О, ВСЕВЫШНИЙ, или Сделай меня счастливым, или Забери меня к Себе.

Произнося эту мольбу, смотря глубоко в небо, Дани увидел трон. Он опустил голову и отправился на поиски невесты, которая должна была составить ему то самое счастье. Так, с опущенной головой, мечтая о своей неотъемлемой половине, Дани шел в сторону моря. Несмотря на свои тридцать, он выглядел не старше двадцати-двадцати двух лет. Волнистые волосы, зачесанные назад, украшала черная бархатистая кипа. Голова покоилась на загорелой гладкой шее. Поэтически грустные немаленькие глаза огибали в меру густые такие же волнистые брови; от уголков глаз лучиками расходились морщинки, говоря о том, что, несмотря на поэтическую печаль, сердце хозяина всегда радостно, ибо оно верит...

Уже смеркалось, Дани подходил к пивному бару типа таверны. Она так и называлась – «Таверна». Он любил проводить там время за пол-литровым бокалом бочкового пива, оно всегда было свежим и холодным.

К пиву Дани просил соленые маслины и соленую морскую капусту. Наблюдая за сидящими у барной стойки людьми, он раскрывал их внутренний мир, их характер и давал волю своей фантазии. Многих он уже знал как завсегда-тай завсегда-таев, некоторые являлись родителями одноклассников его племянников, с которыми он встречался на родительских собраниях.

Приближаясь к «Таверне», Дани заметил сидящую на лавке девушку. Он не мог разглядеть ее лица, ввиду того что голова была склонена над мобильным телефоном, а волосы

ниспадали, чуть ли не касаясь асфальта. Он на мгновение замедлил шаг, присматриваясь к новому для него образу.

Девушка подняла голову и посмотрела в лицо мимо идущему молодому человеку. Их взгляды: пары крупных карих глаз и пары ярко-синих, цвета умытого неба глаз, встретились.

Дани не видел таких выразительных глаз, такой глубокой синевы. У него в мгновение всплыли поэтические образы относительно увиденного. Девушка заметила небезразличие парня к ее особе и невольно слегка улыбнулась. Дани улыбнулся в ответ и вошел в «Таверну».

– Это что было? – прошептал про себя парень.

«Ох, если бы только он не был «досом» (ортодоксом-разговорн.), – подумала девушка, склонив голову над мобильником, но уже не видя в нем ничего...

Дани выпил бокал пива, следом еще бокал. Он почувствовал некое волнение в сердце. Затем стал осознавать, что душа его начинает каким-то образом возноситься. Он улыбнулся... Пиво... Все-таки хорошо, что есть на свете выпивка. Г-СПОДЬ БЛАГОСЛОВЕН. ОН все СДЕЛАЛ для человека, для его счастья. Вдруг молодой человек поймал себя на том, что вовсе не пиво стало причиной этого волнения. Не пиво, водка, виски и даже не сигары. Это нечто другое. И вновь он ловит себя на том, что этот взгляд не покидает его, эти неопишимо красивые, нет – прекрасные глаза и эта полуулыбка. Он быстро вскочил со стула, вытащил из кармана пачку Мальборо, вытащил из нее сигарету и направился к выходу. В это время девушка сидела над своим «айфоном» и все думала об этом эпизоде. «Ну почему и он должен оказаться досом! Кстати, а что он делает в Таверне?» Она вскочила с лавки и быстрыми шагами направилась к входу. Тут открывается входная дверь и из нее выходит Дани с сигаретой, зажатой между указательным и средним пальцами. Лицо у него было задумчивым... Они встретились лицом к лицу. Он чуть

выше нее, она стройная с откинутыми светлыми волосами назад. Он жадно впился взглядом в её глаза. Она растерянно ответила взглядом и ощутила учащенное сердцебиение. Он как будто очнулся и, мягко улыбаясь, произнес:

– А я вот покурить вышел...

– Ага, – улыбаясь в ответ, произнесла девушка. – Но внутри тоже можно курить.

– А, да, конечно, – улыбаясь, ответил Дани.

– А я вот, думаю в «айфоне» посижу за стойкой...

– Ну да, конечно...

– Но вы же сидели вроде здесь над ним... и даже очень увлекательно...

Молодые оба засмеялись.

– Если не против, может быть, еще побудем на свежем воздухе...?

– Подышать свежим табачным дымом?

Дани резко выкинул сигарету.

– О да, простите. Вы, наверное, не курите.

– Наверное, – ответила девушка.

– Тогда по пиву?

– А покурить?

– А покурить успеется.

– Тогда по пиву.

Молодые сели за столик у окна, выходящего в сторону моря.

Сидящие у стойки клиенты, словно сговорившись, уставились на молодых.

Какая-то женщина с неряшливо уложенными волосами и сигаретой между морщинистыми, костлявыми пальцами, украшенными длинными загнутыми ногтями, прокуреным голосом прохрипела: наконец-то пацан нашел себе подругу.

– Удачи ему! – пожелал бородатый мужчина с трубкой в зубах.

– Удачи! – подхватили остальные...
– Ты дати (соблюдающий заповеди) лайт (осветленный)?
– начала девушка.

– Пардон, а что такое дати лайт?

– Ну, дати лефи даати (религиозный по своему усмотрению).

Дани улыбнулся.

– А где твои веревочки?

– Какие веревочки?

– Ну, те, что свисают.

Дани снова улыбнулся, и лучики возле глаз словно задели своим теплом собеседницу, и та играючи захихикала.

– Это цициёт (нити, привязанные к краям рубашки). Сефардские евреи их заправляют.

– Так, значит, ты из тех, которые позволяют себе знакомиться с девушками на улице и заводить с ними... – тут она резко остановилась.

– Придется развеять твои стереотипы. Но прежде ответь, пожалуйста, ибо это действительно важно. Ты замужем или обручена?

– Да свободная я, словно птица в небесах, успокойся. Ну, развевай.

– Дело в том, что нужно быть уверенным в том, что ты делаешь все, не нарушая заповедей, и у тебя были только благие намерения...

– То есть встречаться с девушкой, пусть и свободной, в баре под пивасик – это не нарушает заповеди, ибо это добрые намерения?

Дани засмеялся и, посмотрев вверх, прошептал почти неслышно:

– Благословенно Имя Твое. Неужели это мое...

Девушка, не отрывая взгляда от собеседника, подхватила смех.

– Дай Б-Г будешь изучать законы наши, узнаешь все, что тебя интересует.

– Дай Б-Г, – вдруг ответила девушка.

Она устремила взгляд в окно. Волны лениво били о берег. Солнце показало последний луч и через мгновение исчезло.

Девушке послышался голос откуда-то издалека. До нее доходили неразборчивые фразы. Но вот она услышала разборчивое обращение. Она узнала голос Дани.

– Простите, если нарушаю вашу идиллию, но мы даже не знаем имен друг друга.

– О, да, – девушка, улыбаясь протянула руку, – Элина.

– Богиня! – против воли вырвалось у Дани. – Очень приятно. А меня зовут Даниэль, но все называют Дани.

– Очень приятно. И имя красивое...

– Дани зарделся и смущенно опустил голову.

– Да ладно, расслабься. Ты же мужчина.

Послышалась мелодия. Это звонил «айфон» Элины.

– Да, мама. Скоро. Совсем скоро.

Девушка вынула кошелек из сумочки и хотела уже открыть. Но тут Дани накрыл ее руку своею, дав понять, что это лишнее.

Элина не стала возражать.

Дани посмотрел на небо. Он широко, радостно улыбнулся и прошептал, по всей видимости, молитву.

– Дани, можно тебя попросить кое о чем?

– Да, конечно.

– Помолись, пожалуйста, за здоровье одного мне близкого человека.

– Дай мне его имя и имя его мамы и будь спокойна...

В районной синагоге собирался очередной миньян (необходимое количество мужчин для коллективной молитвы – десять). Дани продолжал восхвалять и благодарить ВСЕ-ВЫШНЕГО. Прочтя вечернюю молитву более

сосредоточенно, он остался еще на некоторое время, чтобы доучить начатую страницу гмары (писание в Талмуде). Час пролетел незаметно. Закончив учение, Дани постоял перед арон кодэш (шкаф для хранения свитков Торы) и от всей души и из глубины сердца поблагодарил ВСЕСИЛЬНОГО за все, что произошло минувшим днем.

Элина, находясь под впечатлением, то радовалась, то печалилась. Дани ей понравился, но ей очень тяжело было смириться с тем, что он хариди (ультрарелигиозный– лит.). «Ну хотя бы с вязанной кипой, – говорила она себе, – или чтобы не все время в черно-белом, чтобы не была и жизнь монотонной.» Но что-то в нем подкупало её, какое-то особенное обаяние было в нем. И это легкое касание руки, когда она хотела открыть кошелек.

Она долго ломала голову, но мысленно доверившись Б-ГУ, уснула.

Вернувшись домой, Дани прочитал криат шма (глава из Торы) и лег. Мысли в голове будто бились друг о друга. Обладая поэтической натурой, он рисовал себе разные картины, воображал невообразимые ситуации. Он чувствовал какое-то внутреннее напряжение, он с кем-то и с чем-то боролся. Вспомнив, что ему рано вставать, он представил трон ВСЕВЫШНЕГО, улыбнулся ему и уснул.

Знакомство с субботой

Проснувшись от первых лучей солнца, пробивающихся в спальню, Дани медленно поднял сначала спину, затем спустил правую ногу, затем левую. Произнес п утреннее благодарение «Модэ ани», встал и... Перед ним всплыл этот прекрасный образ с синими-синими глазами, и он услышал этот чистый, непринужденный смех. Сделав омовение рук, он сел за стол и прочитал утренние благословения. В синагоге посреди молитвы он вспомнил, что ему надо помолиться за здоровье человека, о котором попросила Элина. Он выполнил обещание и продолжал его выполнять и днем, и вечером.

Элина также проснулась под брызги утреннего солнца. Лениво потягиваясь в белоснежной постели, она сладостно и довольно улыбнулась. Она улыбалась новоиспеченному образу, который успел занять все ее мысли. Она не могла поверить самой себе. Чтобы дос... и я...?! Может быть, это просто внезапно возникшая страсть, смазливость, глаза, почти детская наивность...? А как субботние выезды, а как телевизор? А как продукты, а как, а как... О, как много этих «а как»...

Дани же был более оптимистичен, ибо он верил, верил свято..., и еще он верил рабби Йосе.

После утренней молитвы Дани отправился на работу. Он работал машгиахом (ответственный за ритуальную чистоту продуктов) в одном из крупнейших супермаркетов.

На работе его уважали, многие недолгоблывали, считая, что он очень строг по отношению к своей работе. На это Дани отвечал: «Не хочу иметь счёты с НЕБЕСАМИ, у меня и так накопилось полно, за что приходится платить и от чего нужно очищаться». Многие пейсатые папаши присматривали молодого машгиаха для своих дочерей, косвенно

предлагая ему встретиться. В это утро Дани рассуждал в уме о каком-то трактате из пояснений мудрецов. Но он никак не мог сосредоточиться. Каждый раз его мысли затмевали небесно-синие глаза и улыбка Элины. Наконец он понял, что ему не удастся довести до конца это рассуждение и стал думать только о своей новой знакомой. Каждый раз у него вырисовывался стих, он запоминался ему и приводил за собой новый стих. Таким образом, он брал ручку и выкладывал все на первый попавшийся листок. Это мог быть старый ценник или рекламную листовку.

Вдруг Дани схватился за голову и изменился в лице.

– Что случилось? – спросил его мимо проходивший пекарь. Это был его друг, с которым они часто беседовали, обсуждая вопросы, касающиеся Торы и ее заповедей.

– А? Что? – как будто очнулся Дани.

– Случилось что-то? – повторил друг.

– Да нет, все нормально, хотя, знаешь что...

– Ну-ну, брат, говори, не робей.

– Короче, брат, познакомился я ...

Друг расплылся в улыбке: -Так это же хорошо, это же прекрасно!

– Да, но я забыл взять телефон и адрес, в общем...

– Ты ли это? Ты ли, Который приближает людей к вере, ты ли, Убеждающий всех в Управлении жизнью Высшей Силой, в то, что ОН БЛАГОСЛОВЕН, ЛЮБИТ нас больше, чем человек вообще в состоянии любить кого-либо?! Очнись, брат!

– О, да, что это я. Прости Г-СПОДЬ. Видимо, это чисто человеческий инстинкт, а мне все человеческое присуще.

Друг громко засмеялся.

– Да ты влюбился, брат, ты влюбился! Есть! Класс! Кто она, из чьей семьи?

– Да какой семьи, я телефона у нее не взял даже, а ты о семье.

Они оба рассмеялись.

– Но ты же веришь, брат?

– Конечно, верю, – Дани улыбнулся, выражая тем самым, что у него появилась идея. – После работы сразу пойду туда.

– Куда?

– В таверну.

– В какую таверну в пятницу? Э, брат, теперь меня уже никто не разубедит в том, что ты влюбился.

Друзья снова засмеялись.

– Дани! У нас остались стеки фирмы «Бейт Йосеф»? – окликнул его один из работников супермаркета.

– Не знаю, нужно проверить, вчера еще были.

«Он сейчас ничего и никого не знает», – подумал пекарь и улыбнулся.

Перебирая замороженные куски мяса в морозильной камере, Дани читал псалмы Давида, после каждой песни он о чем-то вопрошал Б-ГА.

Элина убирала салон. Она тщательно вытряхивала покрывала для кресел и дивана. Затем, пропылесосив ковер, молодая хозяйка стала протирать пыль со всего, что попадалось ей под руку. Она дошла до столика, на котором стояли подсвечники для субботних свечей. Она взяла подсвечник в руки и с каким-то особым вниманием стала рассматривать его. Грани хрустального подсвечника играли разными цветами под ярким светом лампы. Теперь можно было заметить, что она протирает этот подсвечник с любовью и как будто что-то шепчет ему, делясь с ним.

Синагога была освещена всеми люстрами под потолком и всеми бра, висевшими на стенах.

Кантор вел молитву минха (послеобеденная молитва).

Дани стоял на своем обычном месте и прислушивался к словам кантора.

Вдруг он ощутил какое-то касание, скорее, чью-то энергетику. Да, он отчетливо ощущал чей-то взгляд на своем

затылке. Он шел как будто откуда-то сверху под углом. Видимо, с внутреннего балкона, где молятся женщины.

– Неужели, – подумал Дани. И, боясь сам не зная, чего, он медленно обернулся назад, в сторону того самого балкона. Волосы золотыми волнами ниспадали по ее плечам. Расширенный и украшенный разными камнями ободок украшал девичью голову. И эти... о, эти необыкновенные сапфирные глаза...

Даню охватило необыкновенное чувство: чувство радости и благодарности. От этого сильного колебания фибры души у него скатились две крупные слезы. Единственный раз до этого с ним произошло тоже самое, когда он узнал, что у его старшего брата после четырех дочек родился сын, спустя двадцать семь лет после первого ребенка.

В этот момент кантор стал читать кадиш (благословение) и дошел до места, где вместе хором должны сказать: АМЕН ИЕ ШЕМЕ РАБА...! И вдруг вся синагога содрогнулась от возгласа Дани: ИЕ ШИМЕ РАБА МЕВАРАХ ЛЕАЛЯМ У ЛЕАЛМЕЙ АЛЬМАЯ ИТБРАХ!

Все повернулись в сторону Дани. Дани продолжал, как в трансе: ВЕЙШТАБАХ ВЭИТПААР ВЕЙТРОМАМ ВЕЙТНАСЭ ВЕЙТАДАР ВЕЙТАЛЕ ВЕЙТЪАЛЯЛЬ ШЕМЕ ДЭК-УДША БИРИХУ.

Воздух был чист и свеж, он игриво щекотал ноздри. Для Израиля погода была прохладнее обычного.

Выйдя из двора синагоги, Дани стал оглядываться по сторонам. Вот она. Вот этот ободок. Вот этот золотопад на девичьих, узких, но округлых плечах и на осиновом стане. А вот и эти глаза, спорящие своей красотой то с небом, то с морем.

– Шабат шалом, нэсиха. (Мирной Субботы, принцесса.)

– Шабат шалом умевурах, насих (Мирной и благословенной Субботы, принц.)

– Как ты меня нашла?

- Пардон, но я тебя и не искала.
- Дани выдержал паузу.
- Ноги сами привели меня сюда.
- Дани уже начинал смущаться, как Элина остудила его:
- Не обольщайся, красавчик. Просто вспомнила тебя. Но не совсем тебя, твоего брата.
- Дани удивленно посмотрел на собеседницу.
- Он давным-давно встречался с моей сестрой.
- Меир?!
- Да, он самый.
- Когда?
- Говорю же давным-давно, сама еще маленькой была.
- Тебя почти не помню.
- Мда...
- Дани поправлял то прическу, то воротник, то снова приглаживал упрямый кудрявый волос.
- Не знаю...
- Что именно?
- Это все-так красиво, так мило... но...
- Но...?
- Но как прийти домой, сесть за стол перед огромным экраном телевизора и не смотреть в него? Как в тишине проводить вечер, день... сутки, даже больше суток...
- Ты не любишь тишины?
- Иногда еще как люблю, ее мне так не хватает порой.
- Порой – это как?
- Но хотя бы раз в неделю. Опс, вот ты хитрец!
- Я? – Дани довольно улыбнулся. – Ты сама на свой вопрос ответила.
- Ладно, вот мой дом. Завтра хочу, вернее уже сегодня, выйти к обеду в парк с племянником, часиков в двенадцать. Шабат шалом.
- Шабат шалом.

После утренней трапезы Дани сел за талмуд. Он решил погрузиться глубоко в учебу, чтобы время до двенадцати прошло как можно быстрее. Изучая гмару (учение из устной Торы), он достал еще пару книг, в которых искал дополнения к предыдущим книгам. Он перечитывал строки всех книг и восхищенно покачивал головой. Тут его взгляд коснулся часов, украшавших левую руку. Стрелки показывали ровно час. Дани подскочил, накинул пиджак и выбежал из квартиры. Он быстрыми шагами приближался к парку. А вот и она. Элина держала ребенка за руку, они уже собирались возвращаться домой.

– Прости, зачитался, вернее – заучился, поэтому опоздал.

– Куда опоздал?

– Ну, на свидание.

Звонкий, но чистый девичий смех искрами разошелся по этому небольшому парку размером в одну детскую горку, две качели и четыре лавки. Сидевшие на деревьях птицы, словно по команде, взмахнули крыльями и оторвались от своих веток, возвышаясь над молодой парой с ребенком и, вторя смеху, начали горланить во все горло. Теперь их смех подхватил и сам виновник этого смеха. Парень в черной кипе и длинном пиджаке с златовлаской смотрели на кружащихся над их головами птиц и хором весело смеялись. Ребенок трех лет смотрел на происходящее с раскрытым ротиком и слегка напуганным взглядом.

– Волшебно... – произнесла Элина.

– Сказочно! – подтвердил Дани.

Ребенок захотел яблоко. Элина вытащила из пакета коробочку с нарезанными фруктами, открыла и сначала протянула Дани. Он отказался. Она вынула ломтик яблока и вложила его в руку мальчику.

– Что, тильтуль? (вынос вещей за пределы дозволенного в субботу)

Дани улыбнулся.

– Как люди могут отказать себе гулять в субботу, как? Почему нельзя зажигать огонь, мы же не кремневыми камнями разжигаем костры?

– И не палочкой растираем, как в пионерском лагере, – подхватил Дани.

– Ты был в пионерском лагере?

– Нет, но пионером успел побывать.

– Сколько же тебе лет?

– Тридцать.

Элина широко раскрыла глаза и приподняла брови.

– Чего?! Я думала, тебе не больше... максимум двадцати двух.

– СПАСИБО. Но дело не в трудности или легкости разжигания огня, дело в том, что это запрещено Торой. А запрещает она в субботу все тридцать девять работ, которые проводились при стройке мишкана, переносного мини-храма. Иначе говоря, зажечь огонь – это все равно, что дать пощечину Субботе и самой Торе.

– О, Г-СПОДИ, что ты говоришь? Не утрируй.

– Это факт, милая.

– Факт... – повторила Элина. – Электричество тоже огонь?

– И на этот счет есть пояснения.

– Но тогда же не было тока.

– А каким образом вырабатывается ток?

Элина задумалась.

– У меня есть книга «Тридцать девять работ запрещенных в субботу», могу с удовольствием дать почитать.

– А кто это написал, мудрецы, которые считают себя мудрецами? – спросила собеседница.

– Мудрецы, которых признал совет мудрейших и старейшин евреев всего мира того поколения.

– Какого поколения?

– Того, когда могли оживлять мертвых.

Элина скептически улыбнулась.

– Мудрецы, благодаря чьим молитвам беременели бесплодные женщины от бесплодных мужей.

– Тридцать девять работ... одной только субботы... и это надо выучить... Еще кошерные продукты, вернее не кошерные, которые запрещены тоже вашими мудрецами.

– Не вашими мудрецами, а нашей Торой.

– Нашу Тору трактует кто как хочет.

– Нашу Тору Моисей получил на горе Синай ИЗ УСТ ВСЕВЫШНЕГО, записал ее. А пояснения к ней не записывал, но они передавались из уст в уста на протяжении веков, пока Рабби Еуда а-наси не решился записать все комментарии. Он собрал их в шесть книг. Но дело в том, что они записаны были вкратце, ввиду того что раньше люди были умнее и с более развитой памятью – без компьютеров, мобильных телефонов и даже печатной машинки. Потом к пояснениям нужны были еще пояснения последующими поколениями. Но последнюю черту ставили опять-таки избранные мудрецы.

– Выходит, что мнение мудреца двух тысяч лет назад не совпадает с пояснением более позднего мудреца, скажем, тысячелетней давности?

– Не совсем так. Потому что и сегодня в ешивах сидят «досы», изучают тысячи книг, советуются между собой и решают, можно ли в шаббат включать телевизор или ездить в лифте. Допустим, есть заповеди, не про нас будет сказано, для тех, кто в трауре. Или для тех, кто хочет жениться. Приходят к раввину и спрашивают.

А раввин для этого учился лет двадцать-тридцать и учится до конца дней. Он же не выдумывает ответ, он его вытаскивает из своего сундука, полочки, библиотеки знаний. Чтобы это понять, нужно с нуля начать, все изучить постепенно, поэтапно и, естественно, быть чистым и любить ТВОРЦА И ТОРУ. Чтобы ко всему этому прийти, нужно

сначала начать есть только кошерную пищу и соблюдать по возможности субботу.

– И все? И я начну понимать все пояснения и трактаты к Торе? Как мудрецы?

Дани улыбнулся и ощутил в сердце радость.

– Дело в том, что не кошерная (ритуально нечистая) пища ослепляет сердца, забивает их своей нечистотой. Начнешь есть кошерную пищу – начнешь понимать меня легче и лучше...

Элине очень хотелось понимать Даню, если не легче, но лучше – уж точно.

– Не знаю...

– Знаю, что не знаешь. Поэтому начни есть только кошерную пищу, включая молокопродукты только израильского происхождения и произведенные только евреями. На них стоит кашрут (печать ритуально чистого продукта) БА-ДАЦ.

У Элины зазвонил «айфон». Ей стало не по себе.

– Нам пора. Шаббат шалом (мирной субботы).

– Шабат Мевурэхэт (Благословенной субботы) У тебя остался фруктик не нарезанный?

Элина заинтригованно посмотрела на него. Затем вынула из сумочки мандарин и вручила Дане.

Он быстро очистил мандарин от кожуры, произнес благословение, отделил дольку и отправил ее в рот, затем отделил еще дольку и дал Элине.

– Амен! – и она аккуратно отправила дольку в рот. – Бай, насих (принц).

– До свидания, принцесса.

Новая неделя

Этим утром Дани решил облачиться во все белое. В белое он обычно одевался по субботам. Суббота вообще ассоциировалась для Дани с белым, светлым, умиротворяющим.

Он заправил белую рубашку в белые брюки, к которым давно не притрагивался, плотно прижимая ее к торсу и ногам, чтобы гладко облегало тело, как учил его старший брат Меир. Затем натянул белые носки и обул белые узконосые туфли, облачился в белый льняной пиджак и вышел.

Дождь только что прекратил свою деятельность, уступая место ярким лучам мартовского солнца. В синагоге уже собрался миньян. Увидев входящего Дани, сидевшие за молитвенниками прихожане приветственно кивали ему. Дани подошел к своему месту. В это мгновение закончилась первая часть шахарита (утренняя молитва), и несколько человек начали читать кадиш. Дойдя до нужного момента, Дани с не меньшей силой подхватил ИЕ ШИМЕ РАБА МЕВАРАХ...!

Его голос заполнил все пространство синагоги и вырвался за его пределы сквозь открытые окна. Полностью закончив молитву, Дани вышел в прихожую. Он подошел к столу и из горячего самовара налил себе чай. Прочитав благословение, отпил маленький глоток.

– АМЕН, – ответили только что подошедшие к столу мужчины.

– Ты сегодня как ангел выглядишь, – улыбаясь, обратился к Дани Моше, служитель синагоги, – продолжаешь свою субботу?

– Что-то вроде этого, – улыбаясь, ответил Дани.

– Прекрасно. Благословенной недели.

– Благословенной недели.

Даня шел к остановке и что-то шептал про себя. Он часто так делал, то молясь, то сочиняя стихи, то молясь стихами.

На остановке он увидел сапфироглазую златовласку.

– Хорошей недели, – поприветствовала она Даню.

– Благословенной недели.

– А ты что это во всем белом? В дождь?

– Во все белое облачусь

и устрою праздник себе.

И в других отгоняя грусть,

Освещу серость будничных дней.

Дождь люблю, но не томность туч.

И поэтому даже в дождь

Во все белое облачусь.

Приходи, буду рад тебе, гость.

Элина наклонила голову.

– Ты тоже считаешь, что все поэты – это ненормальные люди?

– Скорее всего, их мало кто понимает.

Она осмотрела Даню с ног до головы.

– Говорю же, «лайт». Она по-детски захихикала.

– Тебя раньше не было тут по утрам.

Меня только в четверг устроили на новую работу, это-то и решила отметить в таверне.

Дани посмотрел на небо и произнес:

– Благословенно Имя Твое, Владыка мира.

– А вот и автобус мой. Хорошего дня.

Хорошего дня.

– Минутку, продиктуй номер телефона.

– С какой это стати?

Дани изменился в лице.

Элина почти скрылась за раскрытыми дверями автобуса, но пока еще оставляя золотые волны своих волос снаружи.

Вдруг она резко выглянула, выкрикнула в сторону Дани номер своего мобильного и тут же рассмеялась. Через

мгновенье двери автобуса закрылись и автобус уехал, увозя с собой чью-то составляющую счастья и с ней половины чьих-то душ.

Для Дани этот номер телефона прозвучал песней. Он несколько раз пропел его и, очнувшись, резко поднес мобильник к лицу, быстро стал нажимать на кнопки.

На работе Даниэля встретил его друг пекарь Шмуэль.

– Доброе утро и благословенной недели влюбленному праведнику.

– Благословенной недели, – улыбаясь, ответил Дани.

– Как прошла суббота?

– Волшебно, слава Б-гу!

– Еще бы!

– Ладно, тебя там уже ждут «бейт йосеф», «рубин», «ландау».

– А ты уже зажег свою печку? Вам же хватает того, чтобы только еврей зажег, а кто и что вложил, не важно.

– Ну да, брат, три еврея – пять мнений.

Дани пошел в холодильные комнаты, проверить, что из продуктов осталось и где что должно находиться. Теперь он находился в холодильной комнате для молочных продуктов.

Рассматривая бутылочки, баночки, коробочки с молокопродуктами, он внимательно читал знаки кашрута. Вот БА-ДАЦ Хатам Софер, а вот и Эда ахаридит, вот и бейт Йосеф. А вот и кашер лерабанут арашит и больше никакого знака.

Дани внезапно улыбнулся. Он вспомнил о субботнем разговоре, когда рассказывал Элине о кошерной пище.

– Он вытащил свой мобильный и написал: «Легкого дня принцессе. С первой новой трудовой неделей. Чтобы с сегодняшнего дня у тебя все шло и преумножалось и в экономике, и в жизни вообще».

В ответ пришел ответ: «АМЕН» и следом следующее сообщение: «Прости, здесь нельзя пользоваться мобильником, спишемся позже». Дани продолжал улыбаться. Это была

улыбка, выражающая счастье, счастье, о котором он до сегодняшнего дня только мечтал. Вдруг вновь пришло сообщение:

– А где твое «до свидания»?

– До свидания. Конец связи.

«Да, женщина рождена женщиной и останется женщиной навсегда», – улыбаясь, подумал Дани и послал ответ: «До свидания, конец связи.»

Рабочий день пролетел незаметно. Дани услышал из-за спины голос друга:

– Влюбленный, ты домой не собираешься? Да и минха* скоро.

– Даже не заметил, как время прошло.

– Конечно, не заметишь, а то.

– Ладно, хватит болтать, идём на молитву.

– Шмуэль давно готов, – ответил друг. Он прочитал где-то, что словом «Я» может себя называть только ВСЕВЫШНИЙ. В иврите есть два я: ани и анохи. Анохи в Торе – это первая заповедь из первых десяти. Анохи – Я Г-СПОДЬ...

На молитве «минха» часть кадиша, прочитанная Дани, прозвучала также, с особым вдохновением. Шмуэль, стоявший рядом, аж подскочил. Затем, глядя на друга, широко улыбнулся. Дани улыбнулся в ответ.

Элина пришла с работы домой.

– Дочка, ты? – спросила из кухни мать Элины.

– Да, мама.

– Мой руки, садись кушать.

Элина помыла руки и села за стол.

Мама поставила на стол перед дочкой тарелку с дымящимся жарким. Элина ткнула вилку в отломленный кусочек картошки и потянула в рот. Потом резко положила в тарелку.

– Мааам! – позвала Элина.

– Да!

– А мясо ты где покупала?

– В нашем супермаркете, а что? Опять что-то обнаружили?

– Да нет. Это же кошерное мясо?

– Да. А с каких пор ты разборчивой стала?

– Но мы же евреи. А раз евреи, то не только же по названию.

«Что это с ней?» – недоумевала мать.

– Как новая работа? – мама продолжала говорить из кухни в то время, когда Элина ужинала в салоне.

– Слава Б-гу, все хорошо.

На Элинин «айфон» пришло сообщение. Оно звучало красивой мелодией. Элина долго не открывала сообщения, но то все время издавало свою мелодию. Таким образом девушка смаковала новое сообщение от Дани. Она поела, помыла руки. Подошла к матери, чмокнула ее в щеку и поблагодарила:

– Спасибо, мамочка, было очень вкусно, я тебя люблю.

Только теперь она взяла свой мобильник, побежала в свою комнату и закрылась в ней.

В сообщении было написано: «Добрый вечер, приятного аппетита. Как было на работе?».

Элина послала ответное SMS: «СПАСИБО, было вкусно, а на работе очень даже мило, не заметила, как время прошло». Тут пришло новое сообщение: «Выйдем на остатковку?».

Элина ответила: «Давай уже утром увидимся. Мне нужно кое-что по учебе поучить и на работу вставать. Хорошо?».

В ответном SMS было написано: «Хорошо, с нетерпением буду ждать утра. Тогда не отвлекайся, учись и ложись сразу спать. Сладких сновидений».

Элина ответила: «И тебе доброй ночи».

Это утро было, наверное, самым желанным для обоих героев. Оба героя, некогда рожденных в одном мире, в той же

стране, возвращенные почти одной культурой, затем ушли каждый в свой мир, выбрав свой путь. Но вот каким-то образом они встречаются, ведомые некоей силою и, может, даже против своей воли хотят идти друг другу навстречу. Естественно, вы найдете в этом противоречие, но значит, в этом что-то есть. Не зря говорят мудрецы: не ищите в Торе логики – а значит, и в самой жизни.

– Доброе утро. Ты сегодня «В черно-белое облачусь...»
Что такое? Ни в ком не находишь грусти? Ну и ладненько.

– Доброе утро, – улыбаясь, ответил Дани. Он улыбался своему счастью, радуясь этой встрече. Элина пока сама не знала, чего именно она хотела. Она была не то, чтобы на распутье, но она не могла согласиться с некоторыми принципами. То, что Дани ей нравился, было явным, во всех проявлениях по отношению к нему. Но ей многое мешало, по крайней мере, ей так казалось.

– Мы собираемся в клубе в четверг. Пойдем с нами. Платишь за вход, пиво – без ограничения.

– Нет, ты что. Какой клуб? Ты же знаешь, что мне туда нельзя, да вообще никому нельзя.

– В «Таверне» же ты был. Или все-таки, ты дати лефи даати?

– Да нет же. Меня в этой Таверне сто лет не было.

– Что же ты пошел тогда?

– Поверишь?

– Тебе поверю.

– В этот день попросил у Б-га, чтобы ОН осчастливил уже меня, или забрал к Себе. И пошел, куда ноги повели.

– И?

– И...– улыбнулся Дани.

– Так Таверна тебя осчастливила?

– Ты женщина, но не на столько же...

– Как не на столько? Ну да, я же девушка.

Дани рассмеялся.

– Ты уникальная. Меня осчастливило то, что счастливит сейчас.

Элина зарделась.

– Ну, хорошо, ты же не ешь там не кошерную пищу, не пьешь не кошерные напитки, и не танцуешь с не кошерными женщинами...

– Если увидят меня там в моем одеянии, таким, как я есть – это будет Хилюль Ашем (осквернение Имени Всевышнего)

Элина вопросительно посмотрела на него, в это мгновение ее глаза еще ярче светились синевой, словно отражая синеву мартовского неба.

То есть осквернение имени Б-ГА.

– О, Б-ЖЕ! Почему же?!

– Скажут, вот, ортодокс пришел, сами такие, а нас учат уму-разуму и так далее.

– Так ты надень другую одежду, во все белое облачись. Надень кепку...

– И оставить глаза дома...

– Ага! Значит у тебя глаза блуждающие?

Он чуть было не сдался, и вот-вот согласился бы.

– Шма Израэль! – вырвалось у Дани из глубины души. – Адонай Элоэynu Адонай Эхад! (Слушай Израиль Бог Всесильный наш Бог Един)

– Мама! – вырвалось у Элины. – Не надо, не иди никуда, но, когда будешь молиться, помолись за всех нас. Уф... Как все сложно...

Подошел автобус. Элина запрыгнула в автобус и едва успела выкрикнуть: «Бай, цадик» (пока, праведник), автобус тронулся с места.

До самого входа в здание, где работала златовласка, из ее головы не выходил этот возглас: «Шма Израэль!»

Элина протянула свой билет охраннику, он посмотрел на него, затем схватил Элину за кисть и на запястье поставил ей печать. Следующие за ней подруги прошли ту же процедуру.

В зале царил полумрак, разного цвета прожектора пускали свои лучи и распространяли их по стенам и потолку: останавливаясь лишь на мгновение, они меняли места. Диджей пускал дым, вуалируя друг от друга посетителей, таким образом придавая некую интимность. Тут и там ходили официанты с подносами, где-то в углу или в туалете продавали таблетки и картонки, и всякую отраву, которая должна была вводить посетителей в транс. Элина с подругами заказали по коктейлю. Когда взялись за бокалы, одна из подруг предложила выпить за новое место работы Элины. Все согласились, стукнулись бокалами и отпили по глотку. Заиграла ритмичная музыка, девушки вышли танцевать. Перед зеркалом парни и девушки танцевали со своими отражениями. Не всегда можно было различить, кто из них парень, кто девушка.

Музыка сменилась восточным ритмом, который издавал барабан, и вскоре в права вошли кларнет и дудук.

Девочки пытались изобразить танец живота, который больше походил на танец бёдер. Подруги окружили Элину и вокруг неё стали вилять бёдрами. Та в свою очередь стала изгибаться змеёй, чем и привлекла внимание посетителей. В круг вошел высокий брюнет с длинными косыми бакенбардами. На нем были потертые джинсы и голубого цвета пиджак. Волосы были расчесаны гребешком, как у попугая, воображающего перед зрителями. Он все приближался и приближался к Элине, к её спине, затем пытался просунуть ногу, сгибая ее в колене, между ее ног. Златовласка почувствовала сзади горячее сырое дыхание и запах перегара. Вдруг она резко отскочила, встала вплотную к подругам, замыкая круг. Брюнет не унимался и вновь приблизился к Элине.

– Харэ, – строго глядя синевую в его мутные глаза, приказала Элина. И добавила:

– По-хорошему!

Брюнет отошел.

Музыка сменилась на медленный танец. Туча, танцуя, проредилась. Брюнет сидел за столиком и, что-то шепча другу, показывал пальцем на Элину.

– Это сестра того, с кем тебе лучше не встречаться, вернее тех... – ответил ему друг, стараясь перекричать музыку и стоящий вокруг гул.

Брюнет наполнил свой бокал черным виски до краев и, отпив половину бокала, откинулся на спинку кожаного дивана, стоявшего вплотную к круглому прозрачному столику.

Элина взяла в руки «айфон» и стала печатать.

Дани вернулся домой удрученным. На работе он тоже был чересчур молчаливым. На вопросы друга он все время отвечал: «Все хорошо, Слава Б-ГУ, все в порядке.»

В конце работы пекарь принес четыре бутылки холодного пива.

– На, мы заслужили, вернее заработали. А служить ЕМУ, сколько бы не служили, все мало будет, ибо ЕГО милость необъятна.

Дани обнял друга и поцеловал:

– Это ты праведник, брат мой, это ты настоящий праведник. Затем Дани приложил горлышко бутылки к своим полноватым, почти фиолетовым губам и влил содержимое в себя, не оставляя в бутылке ни капли.

– Ну, взорви свой нарыв. – начал друг.

– Как исправить, прости, направить, пусть не весь мир, но хотя бы одного человека на тот путь, где ему будет намного лучше, отраднее.

– Это ты меня спрашиваешь?!

– А кого? Кого, как не того, кто фразой лечит раненые души, кто одной лишь улыбкой, целуя сердца, оживляет их и заставляет биться так, что выбивает из груди?

– Ты загнул, конечно. Но все-таки иногда нужно бывает себя изменить в чем-то, чем-то пожертвовать, может быть,

или просто где-то в чем-то уступить, чтобы сошлось все, как пазл.

– Но как?! Пойти на эту дискотеку, куда и в худшие дни своей жизни не особо ходил?

– Ашем Ерахэм! Ты о чем, брат?!

– Не знаю, не знаю, что делать и вообще, делать ли что-то?

– Ты ломаешься?! Тебя возможно сломать?! Кто эта стерва?!

– Нет! Не говори так, брат.

– Прости.

– А ты говоришь, настоящий праведник. Мне до праведника...

– Надеюсь, это будет, хотя бы пусть за мгновение до прихода Машиаха.

Оба друга засмеялись.

– Буду молиться за тебя, за твою любовь, и мы в колеле (заведение для изучения Торы) посвятим урок этому.

– Ох, как все сложно, брат, как сложно.

– Это чтобы ты различал Его возможности от своих.

– Нет, ты все-таки настоящий праведник. Дани еще раз поцеловал друга. – Давай уже и по второй опустошим, чтобы они не обиделись друг на друга и на нас.

Они допили по второй бутылке пива и, попрощавшись, разошлись. Всю дорогу домой Дани вновь с чем-то боролся, то улыбался, то опять впадал в печаль. Он был подобен Яакову, боровшимся с Ангелом перед встречей с Эсавом, своим братом. Но корил себя за то, что столько много времени упустил, не изучая законы, не живя праведной жизнью. Он считал, что это его расплата. Потом утешал себя тем, что все-таки Б-Г всегда принимает своих детей и в мгновение Готов на все ради счастья своих детей: все Перевернуть и Преобразовать мгновение также, как и разверз воды Красного моря.

После ужина Дани сел за талмуд.

Через некоторое время он услышал звук сообщения в своем мобильном телефоне.

Дани прочитал: «И почему ты так испугался, иди знай, может быть, тут полно тебе подобных сидят, которые пришли ради своих девушек». Дани ответил: «Посмотри вокруг себя, научись быть наблюдательной, тебе это очень понравится. Присмотрись к каждому мужчине, который там сидит, но так, чтобы он тебя не заметил. Присмотрись к столикам, за которыми они сидят. Присмотрись к их спутницам, а теперь к своим подругам присмотрись и прислушайся внимательно-внимательно. Напиши, что ты там видишь и слышишь».

Через полчаса пришло сообщение: «Выйди на нашу остановку, если не трудно».

Прочитанное его, Даню, словно оторвало от стула и вынесло из квартиры. Он не чувствовал земли. Все эти сорок секунд он благодарил ВСЕВЫШНЕГО.

Они встретились. Элина посмотрела в глаза Дани, пылая синевой крупных глаз. От нее шел запах духов вперемежку с коктейлем и ментолом. Дани аж слегка отошел назад, чтобы не предаваться чарам.

– Ты что со мной делаешь? Что? Ты чего добиваешься?

Он смотрел с недоумением, но пытался восстановиться. Он знал, что перед ним стоит девушка и не совсем трезвая.

– Но не буду я сидеть дома, не буду прятаться по субботам от телевизора, не буду, не буду, не буду...

– Подожди. Так что ты увидела там? – улыбаясь, спросил Дани. – Что услышала?

– Ничего!.. Пьяных в сопли мужиков, некоторых закинутых дрянью со стеклянными глазами; баб и малолеток с размазанными по лицу по диагонали губными помадами. Столики облеваннные и ведущих за моей спиной сплетни подруг.

– И ты хотела, чтобы я оставил свою учебу, свой славный мир ради этого?

- Нет, не ради этого, но ради меня!
- Но ты же здесь и это – счастье.
- Ненавижу! Ненавижу! – сквозь слезы закричала Элина.
- За что?
- За то, что... БЫЫЫЫЫХ!!!!

Златовласка резко развернулась, пройдясь шлейфом волос по Дани, и побежала в сторону своего дома.

О, женщины! О, наше испытание!

Г-СПОДИ! Дай мне терпения и ума, направь меня, дай знаки! Молю тебя! Твой раб ограничен, Будь со мной, Г-СПОДИ, Будь со мной!

Неожиданный гость

– Простите, – послышалось со стороны лавки, мимо которой проходил Дани. – Простите, вы не смогли бы мне помочь?

– Чем?

– Хоть чем-нибудь, вторые сутки голодаю, так случилось. Небесам так угодно..., и я голоден...

– Во-первых, у меня с собой и денег нет, во-вторых, в это время и магазины все закрыты...

Через мгновение, словно очнувшись от чего-то, Дани обратился к голодному незнакомцу:

– Идемте со мной, дома-то точно есть что-то.

Дани открыл дверь квартиры и сразу же вбежал в кухню.

– Проходите, не стесняйтесь, это же моя мицва (заповедь, Богоугодное дело), – улыбаясь, пригласил Дани незнакомца.

– Нет, спасибо, подожду тут.

Дани что-то вытащил из холодильника и положил в микроволновую печь. Пока оно там грелось, кружась под лазерными лучами, он вытащил коробочки с крышечками.

Затем в одну коробку положил овощи, в другую коробочку выложил все, что было согрето в микроволновой печке. Обе коробочки он положил в пакет, следом забросил туда вилку и нож и в конце положил несколько нарезанных кусочков хлеба. Потом нашел запечатанную бутылочку минеральной воды и положил ее в тот же пакет. Незнакомец стоял в дверях тихо, не шевелясь, он словно не дышал.

– Дать Вам биркат амазон (после-трапезную молитву)? – предложил Дани.

В ответ незнакомец, взяв в левую руку пакет, правую положил на голову Дани и начал что-то шептать, по–

видимому, благословение. Затем чуть громче и отчетливо он завершил: «Да будет это желанием Б-га!».

– Амен, – заключил Дани.

Тут же он поднял голову, открывая глаза, и хотел было взять руку благословившего его и поцеловать. Но ни руки, ни самого незнакомца он не увидел перед собой. Дани подбежал к рядом стоявшему лифту. В обоих лифтах с прозрачными дверями горел свет. Было понятно, что они не сдвигались с места. Был только один выход на улицу – по ступенькам. Дани выбежал на лестничную площадку, там никого не было, затем пробежал три этажа вниз. Внизу никого не было и не было никаких признаков, что кто-то после них заходил в дом или выходил из него.

Он выбежал на улицу. Рядом с домом, стоявшим от остальных в радиусе ста метров, было пусто. Дани посмотрел на небо и произнес: «Кто как Ты среди богов Г-СПОДЬ, кто как Ты Необыкновенен в Святости! Благодарю тебя за все, и буду благодарить всегда».

Элина забежала в дом заплаканная, волосы прикрывали ее лицо. Войдя в дом, она увидела перед собой мать.

– Нагулялась?

– Угу, – промямлила дочь.

Мать приблизилась вплотную к дочке и, словно штору, отодвинула золотую прядь от лица. Она всмотрелась в него внимательнее.

Увидев заплаканное лицо дочери, она с силой ударила себя по обеим щекам и начала кричать:

– Чтоб я умерла, что случилось?!

– Что ты как кавказские и марокканки истеришь? Все нормально, цела твоя дочь и невредима.

– А ашкеназским матерям детей аисты приносят? Что случилось? Почему ты плакала?

– Да ничего мама, все нормально. Просто, когда не нахожу ответы на свои вопросы, раздражаюсь, нервничаю и ...ВОТ...

– Мой руки, кушай и спать.

– Кушать не буду, иду спать.

Ранним утром под перелив экзотических птиц, Элина встала, чтобы убедиться, что отец уже встал. Отец действительно уже завтракал перед выходом на работу.

Элина пошла в спальню родителей, подошла к кровати и юркнула под одеяло, прижимаясь к матери.

– Ты что это, дочка? С тех пор, как ты стала самостоятельно ходить, ты у нас в кровати не была.

– Ну видишь, соскучилась за эти годы, видно, нуждаюсь в твоём тепле, мамуся, – Элина чмокнула мать в щеки и лоб.

В спальню зашел отец и увидел дочь в родительской кровати, обнимающую маму. Он умиленно улыбнулся. Мать посмотрела на отца и что-то проговорила на идиш.

– Что это вы на тарабарском бормочете? – спросила Элина, высовываясь из-под одеяла.

– Не видишь, что ли?! Влюбилась наша дочь, – ответил отец своей супруге, но уже на чистом русском языке. – Что же это я хотел взять?

– Ты забыл в третий раз надушиться, папа.

Семья хором рассмеялась.

– Кто он? – спросила мать.

– Ты о ком?

– Все о нём же.

– Мама, папа выдумывает.

– Ты папина копия, просто Б-Г пожалел кусочек для тебя, чтобы ты полностью была его клоном. Поэтому твой папа тебя знает не хуже самого себя.

Элина крепко прижалась к матери, потом положила голову на ее грудь.

– Мам, дай поспать.

- А на работу?
- Ой, да, совсем забыла.
- А говоришь, папа выдумывает.

Элина вскочила с кровати, прежде поцеловав мать в щеку.

- Поешь что-нибудь, там все кошерное.
- Ну, мама! Хватит!

Выйдя из синагоги после шахарита (утреннее богослужение), Дани включил свой мобильник. Из него сразу полилась мелодия, которая была записана на номер его матери.

- Да, мама.
- Ты идешь домой?
- Наверное сразу на работу.

– Ты же со вчерашнего утра ничего не ел. Ты воздухом питаешься или своими книгами?

- Ел, мама, как всегда, все было вкусно.
- Что ты ел, в холодильнике ничего не тронуто.
- Как не тронуто? – спохватился Дани.

– Так не тронуто. Отец сказал, что тебе все оставил, зная, что ты придешь с работы.

- Но... пришел... Ничего не пойму.
- Что не поймешь?
- Да все нормально, я же сразу лег спать.

«Ничего не пойму, – стал рассуждать Дани с самим с собой, – а еда, которую дал...».

Тут послышался параллельный звонок. Это был отец.

- Мама, там папа звонит, отвечу ему.
- Он стоит рядом со мной, слышит, что я с тобой разговариваю и набирает тебе. Ты такое еще где-нибудь видел?
- Но, это же папа, мам. Как будто в первый раз.

Сын переключился на отца.

- Доброе утро, пап.
- Доброе, сынок, действительно доброе. Ты мне срочно нужен по серьезному делу.

Дани набрал ее номер, ему хотелось с ней говорить, показывая свою уверенность во всем том, что он делает и собирается делать. Он чувствовал, что эти сообщения – проявление робости.

– Привет.

– Привет. Может быть, в восемь встретимся?

– Давай, – монотонно ответила Элина. – Там написано на стене «кашер лемэадрин».

– Во-во. Тогда в восемь?

– Тогда в восемь.

– СПАСИБО.

– На здоровье.

– Легкого, веселого дня.

– И тебе кошерного дня.

– Конец связи?

– Конец связи.

В полуподвальном кафе был приглушен свет и звучала легкая классическая музыка. Дани отодвинул стул, предлагая Элине расположиться за столиком.

Им подали меню.

Дани заказал себе пиво с прилегающими к нему закусками. Элина заказала «капучино» со взбитыми сливками.

– И ваше фирменное пирожное... – дополнил заказ Дани, обращаясь к официанту.

– Теперь за границей будешь есть только молочное и рыбное с овощами и фруктами? – начала беседу Элина.

– Молочное нет. Молочное АКУМ нельзя.

– Хм, – усмехнулась собеседница, – за границей молоко – кривое?

– АКУМ – Аводат Кохавим. То есть молоко, которое производят инородцы.

– Гои. Стыдно сказать гои?

– Пусть гои. Мы ведь не можем знать, какое именно молоко может попасть в ту или иную тару.

– На психолога. Первый год. Дальше – больше. Пока не знаю, как сложится.

– Мда... психолог – это хорошо.

– А ты учился после школы где-то?

– Литературный факультет.

– Ну да. Зря что ли поэт.

– Сначала поэт, потом литератор. Ведь поэзия – это образ жизни...

– Читал русских поэтов и писателей на иврите?

– Да. Кстати, очень интересно. Но больше смешно, чем интересно.

Молодые подходили к своей родной любимой остановке, которая являлась для них и местом встречи, и местом разлуки.

Первая ревность

– Дани? Ты? – Обернулась к нему высокая стройная брюнетка.

– Эмилия? Сколько лет! Ого!

– А ты такой же молодой и красивый, совсем не изменился, только в плечах шире стал.

– А ты еще краше стала.

Тут Дани обернулся на Элину. Она стояла с опущенной головой и сжалась.

– Элина, познакомься. Это Эмилия. Эмилия, это Элина.

– Вас можно поздравить?

Дани молча посмотрел на Элину. Он стоял между двумя бриллиантами неопишуемой красоты: белым, чистой воды, обрамленным золотом и черным, таким же филигранно отточенным.

Элина посмотрела на Дани.

– Я пойду, уже поздно.

– Подожди минутку, провожу тебя до дома. Мне же скоро улетать.

– И я в понедельник улетаю, – вставила реплику Эмилия.

– Куда?

– От ХАБАД в Лондон.

– Дани, мне пора, – повторила Элина, и, обратившись к Эмилии, добавила: – До свидания.

– До свидания.

Элина пошла медленно в сторону своего дома. До нее доходили обрывки фраз Дани и Эмилии.

– А ты с каких пор в ХАБАДЕ?

– С тех самых...

Элина остановилась и стала прислушиваться.

– Замужем?

– Нет, один красавчик убежал, не дождав, пока достигну того, чего ему нужно. А сама ни за кем не гонюсь.

– Ты серьезно? С тех пор ты стала интересоваться нашей верой, нашими заповедями?

– Серьезно. А ты нашел. Молодец. Она очень красивая.

– Мы недавно знакомы.

– Сука! – вырвалось у Элины. Это было сказано резким броским шепотом. – Ну и флаг вам в руки.

Элина побежала домой.

Через мгновение она услышала быстрые, догоняющие её, шаги.

– Подожди минутку. Ты куда убежала? Мне же скоро...

– Легкого полета тебе и мягкой посадки.

– Да что с тобой?

– Со мной ничего.

– Тогда куда ты бежишь, вернее, почему бежишь от меня?

– Это я от своих иллюзий убегаю. Прости.

– Да что же происходит? Объясни. Мы же с тобой...

– Недавно знакомы. Не хочу мешать своим присутствием тем, кто давно знаком.

– Ты ревнуешь? – улыбаясь, спросил Дани.

– Да пошел ты.

– Да стой же, я все тебе объясню.

– Я уже все поняла, иди, она ждет. У тебя выдался шанс. Кошерное я буду кушать и это зачтется тебе на небесах. Спасибо за все.

– Элина!

– Не кричи на меня.

– Да я же люблю тебя!

У Элины пошли слезы. Она побежала по ступенькам вверх.

Дани пошел в сторону дома. На остановке стояла Эмилия.

Автобус только через двадцать две минуты. На остановке стояло табло с циферблатом, где указывалось, через какое время какой номер должен подойти.

– Что с твоим лицом? Что-то случилось? Жена приревновала? Так давай я ей все объясню. Она у тебя такая красивая, как ангелочек.

– Пока не жена.

– Невеста. Так это одно и то же. Прости за то, что послужила поводом ...

– Все нормально Эмилия, – прервал ее Дани, – ты тут не при чем. Это я немного растерялся. Я так давно тебя не видел. А когда увидел, да еще преобразившуюся такую...

Эмилия смущенно улыбнулась.

У меня внутри что-то всколыхнулось, то ли воспоминания, то ли нечто новое.

– Ты обо мне еще думал?

– Думал и искал. Долго искал. Ни в соц-сетях, ни в справочниках телефонных, ни через общих знакомых – нигде не смог тебя найти. Ты словно испарилась. Однажды я вздрогнул, подумав, что с тобой не дай Б-г что-то случилось. Потом вспомнил, что все, что не делается – все к лучшему.

– Со мной действительно случилось.

Дани вопросительно посмотрел в ее роскошные темно-карие глаза. О, как он любил эти глаза.

– Я настолько влюбилась в тебя, что бросила всё и всех и стала искать то, что ты некогда себе нашел, и тем самым стал счастливым настолько, что готов был отказаться от любви.

– Я не отказывался от любви никогда.

– Стала слушать лекции, ходила на уроки. Поменяла все мезузы дома. Поменяла полностью образ жизни. Я оставила на своей полочке твое фото и смотрела на него как на цель, которой мне нужно достичь.

Дани почувствовал шевеление волос на голове, и мураш-

ки пробежали по всему телу.

– Везде, где проходили лекции о гармонии между мужчиной и женщиной, я побывала.

Все молитвы знаю наизусть. Псалмов Давида знаю наизусть десятки.

Дани оцепенел. Он не знал, что и думать. Что за наваждение. Что, сама нечистая сила снизошла до него?

– И вот. Теперь мне более ясно то, что ты пытался объяснить мне восемь лет назад. Теперь я вижу мир иначе и сверху, и изнутри. Я научилась любить до жжения в сердце и дорожить этой любовью.

– Чудо! Чудо из чудес! Чудесное чудо! Ты супер.

Эмилия широко улыбнулась, показывая свои белые ровные, красивые зубы.

– Ты достойна не просто праведника. Ты достойна праведника, возвышенного и праведными делами, и умом, и чистотой души – в общем, во всем понимании этого слова.

Эмилия открыла сумочку и вынула из нее фотографию. Она показала ее Дани.

– Шма Исраэль! – выкрикнул Дани, увидев себя на фото. Он повернул и узнал свой почерк, которым было написано «С надеждой». Он поднял глаза и посмотрел на Эмилию. Она ладонью утирала свои слезы. Одна слеза скатилась по подбородку и остановилось на ее смуглой атласной шее.

– Не плачь.

– Не жалея меня. Меня пожалели и жалеют всегда.

– Чтобы мы врагов твоих жалели.

– Дани, я тебя очень хорошо знаю.

– Мне кажется, я сам себя хорошо не знаю.

– Может быть.

Дани представил перед собой Элину. Она казалась ему более чистой, более желанной. Может быть, её юность, ее цвет волос, ее цвет кожи давали ей преимущество в глазах Дани. Или просто он еще не успел настолько привыкнуть к

ней, как в свое время он успел привыкнуть к Эмилиии. Но и Эмилиию он не забывал никогда и, как ему казалось, он ее любит до сих пор. Но насколько любит, как любит? Он вновь всмотрелся в нее.

– Нет, ты не любишь меня, ты не любишь меня как женщину, как женщину, с которой хотел бы провести всю свою жизнь.

Он продолжал всматриваться в нее. Он вспоминал те чувства, которые он испытывал к ней восемь лет назад. Он представил, как они проводят время в своем доме, у камина перед накрытым столом. Но ему все показалось томным, невеселым. Он даже представил ее обнаженной, идущей к нему. Но он быстро откинул эту мысль. Картина показалась ему немного вульгарной. Потом он пытался представить ее в быту: на кухне, с приготовлением еды. Теперь он представил, как она провожает его на работу и напутствует. Этот эпизод ему понравился. Он улыбнулся, но резко улыбка сошла с его лица. Он почувствовал руки на своей шее, запах духов и малиновое дыхание. Тепло разлилось по его телу. Вот-вот и ее губы прикоснутся к его.

Он сделал шаг назад.

– О что это со мной, прости. Может, прогуляемся?

– Прогуляемся.

Прогуляться Дани решил для того, чтобы разобраться в себе и в их отношениях. Она же хотела взять реванш. Они гуляли по детскому парку, над чем-то смеялись, что-то вспоминали. Но стоило ему отвлечься, как перед ним появлялось лицо Элины, и его сердце наполнилось радостью.

– Эмилия, прости.

– Хорошо, что так получилось. ВСЕВЫШНИЙ, Благословенно Имя Его, ВЕЛИК ВО ВСЕМ. И ты был Послан Им Благословенным, чтобы вернул меня к НЕМУ...

– Кто как Ты, Г-СПОДЬ среди богов! Кто как Ты так особен в святости.

Когда Дани опустил голову и огляделся, рядом уже никого не было.

– Благодарю тебя за все и благодарить буду всегда.

Он написал SMS Элине: «Как я так улечу? Нельзя таким образом куда-либо отдаляться, тем более по работе. Ну, прости меня за все. Прошу. Освободи мое сердце.»

Получил ответ: «От нее я твое сердце не в силах освободить, а мной оно и так не было пленено».

Дани прочитал и улыбнулся. Затем послал следующее сообщение: «Ну? Мир? Напутствуешь?» И тут же получил ответ: «Счастливого пути, удачи. Хороших новостей.»

«Люблю тебя,» – последовало следующее сообщение на айфон Элины.

Элина, зная, что отец в душе, вскочила со своей кровати, побежала в родительскую спальню и влетела под одеяло, обнимая маму.

– Да что опять? – громким шепотом спросила мать. – Тебя замуж нужно отдать, вот уже спрашивали.

– Все, мамочка, – улыбаясь промурлыкала дочка, – сплю-сплю. Она крепко прижалась к маме.

– Эй, – крикнула мать, – спи сегодня в салоне. У твоей дочки очередной каприз.

– Ничего, – донесся голос издалека, – вот выйдет замуж за соседа, нарожает восемь, Б-Г даст, двенадцать детей, облачит их в лапсердаки и будет к тебе приводить. Хоть твои внуки научат тебя уму-разуму.

– Уму-разуму вас сначала нужно научить.

Дочка хихикала из-под одеяла.

– А ты спи давай, утром на работу, – шлепнула мать дочку по попе.

Сев в такси в аэропорту Хитроу, Дани обратился к таксисту:

– Ту Синагог Бивис-Маркс, плиз.

– Ок, хавэр. (друг). Шалом алэйхэм.

Командировка

Войдя в синагогу, Дани ощутил благоговение. Старейшая в Европе действующая синагога была построена в 1701 году, по инициативе португальских и испанских евреев-сефардов. Она привлекала буквально всем: самим построением, убранством и утварью. Дани подошел поближе к аронакодэш, сел, вытащил из чемоданчика талит и тфилин, сидур. Он открыл молитвенник и стал читать утреннюю молитву. Затем постепенно облачился в талит, надел тфилин. Все это было проделано с закрытыми глазами. И только услышав кадиш, хором произносившийся прихожанами, Дани словно очнулся. Он обернулся и увидел сзади себя не менее тридцати человек в разных одеждах и талитах. Его Ие Шеме Раба в этой синагоге почти терялось, не доходя до стен, потолка, окон...

Дани помолился, выплёскивая все из себя. Ощувив себя легким, освободившимся, и в то же время полным сил и энергии, он вышел из синагоги. Постояв еще немного, он осмотрел синагогу снаружи. Затем отправился в гостиницу, где для него был забронирован номер.

С переливом заоконных птиц проснулась Элина.

Она сладко потянулась. Посмотрела на часы. Она могла поспать еще полчаса, но ей не хотелось ни спать, ни поваляться под маминым одеялом. Мать уже суетилась на кухне. Через некоторое время Элина вошла в кухню, умытая, причесанная и строго одетая.

– Доброе утро, мам.

– Доброе утро. Это твой пакет там, набитый молочной продукцией?

– Да, вчера в супере были.

– Были?

– Ну да, урок кашрута был.
– Какой урок, ты о чем?
– Все о том же.
– Может быть, о нём же?
– Может быть...
– Мы с отцом видели вас. Он симпатичный. Но же совсем этот.

– Какой этот?
– Как вы их называете, пингвины что ли?
– Мама! Для твоего брата все– то пингвины, то проститутки, то придурки.

– Не знаю, мама нас этому не учила, наоборот, она всех хвалила, всем желала добра. Пыталась помирить всех. А как она любила сватать для кого-нибудь своих знакомых, близких... Ох... не пожила...

– Он бааль тшува (начинающий соблюдать заповеди)
– А, так он уже совсем фанатик!
– Короче, будем посмотреть.
– Ну смотри, смотри. Лишь бы тебе нравилось. С тобой еще надо суметь ужиться. Он действительно святой, что тебя выносит.

– Ладно, что там есть вкусненькое?
– Не знаю, это ты принесла молокозавод, теперь давай, изучай кашрут свой. А то твой папа без разбора все слопает, ему разницы нет, он и меня съест сможет.

– Мама, – исподлобья улыбнулась Элина, – папа пытался тебя съест? Вот это любовь, я понимаю...

– Вот глупая, я не это имела в виду.
– Конечно, а какая женщина не хотела бы быть съедена таким красавцем, как папа?

– Был красавцем. Было приятно с ним находиться в обществе. А сейчас такую чушь гонит. И не знаешь, как остановить его.

– Эти блинчики с чем?

- С творогом.
- О, отлично, и сметана есть БАДАЦная.
- Мать посмотрела на дочку.
- Ну это кашрут такой...
- Да знаю, хозяйева, у кого работаю, тоже строго соблюдают.

Элина поела два завернутых блинчика с творогом, выпила чай, встала из-за стола.

– Все, побежала. Пока. Папе скажи, чтобы всю не съедал тебя, я тоже хочу поесть тебя.

– Вот дурёха. Сразу домой приходи, ты же почти невеста.

По дороге на остановку Элину встретила соседка, жена дяди Дани.

– Доброе утро. – поздоровалась Элина.

– Здравствуй, дочка.

– Вас можно поздравить? – Тетя обливалась потом и тяжело дышала. В ее ста шестидесяти сантиметрах роста умещалось не менее ста сорока килограмм. Зависти и подлости в ней было не меньше.

Элина недоуменно улыбнулась.

– Простите, с чем?

– Да вот, все говорят, что наш Данечка тебя сосватал.

– Да нет вроде, по крайней мере, мне об этом не известно.

Толстуха натянуто улыбнулась, выдвигая нижнюю челюсть. Она, пыхтя и кряхтя, уселась на лавку, выставила перед собой сумку на колесиках с ножкой и положила на нее руки, украшенные ровными красивыми ногтями цвета зрелого тутовника.

– Женила бы его уже Роза, и считай, что всех детей устроила. Этот же самый опекаемый у нее. То новорожденным болел, уколы в головку делали. То, когда подростком был, видения были у него какие-то, к психиатру муж мой возил его. Их порода же странная.

– Что значит странная?

– В нашем районе их «психами» называли.

Элина изменилась в лице. Ее охватил страх, волнение.

– Ты такая красивая, повезло нашему Дани. Маме привет передавай. А вот и автобус подошел.

Элина просидела на остановке с опущенной головой, пока не пропустила два автобуса.

На работу она опоздала на десять минут. Начальница спросила, хорошо ли она себя чувствует. Элина молчала, она словно находилась в тумане, который давил ей на виски.

– Элина, – уже повышая голос, обратилась к ней начальница, – ты себя не хорошо чувствуешь?

Элина молчала.

– Иди домой, отдохни, завтра вернешься на работу. Не волнуйся, это не повлияет на твою репутацию. Иди.

– Ой, простите, я поработаю.

– Нет, милая, в таком состоянии ты у меня работать не будешь. Иди, не волнуйся.

Элина поблагодарила начальницу и ушла домой.

Дома никого не было. Элина умылась и прилегла на диване в салоне.

Мать вернулась с работы в двенадцать часов дня. Она застала дочку спящей на диване.

Услышав шорохи, Элина открыла глаза, они напоминали облачное небо.

– Что произошло? Что вообще происходит с тобой в последнее время?

Мать присела на край дивана. Элина положила голову на материнские колени.

– Почему со мной это все происходит? За какие грехи? Неужели у вас такая плохая дочка, или это рок?

– У нас самая лучшая дочка в мире и самая любимая. У нее просто такой период, уже не ребенок, но еще и не совсем взрослая. И тут дело не в уме твоём, ты как раз далеко не глупая. У тебя просто опыта жизненного нет. Успеется. Ничего

в этой жизни не стоит твоих слез. Каждая твоя слеза бесценна.

Иди умойся и объясни матери все, что есть.

Пока Элина умывалась, в дом вошел отец.

Элина вышла из ванны.

– Папуля, ты тоже рано?

– А ты что?

– А я...

– Сейчас узнаем, – вмешалась мать.

Элина рассказала все, что произошло с ней утром.

Отец начал громко смеяться:

– Эта мразота и до тебя добралась?

– Доченька, а ты не замечала в нем самом ничего подобного?

– Да нет, мама, он умен как ангел. К нему не придется решься.

– Во, мать, учись, смотри, как дочь отзывается о молодом человеке.

– Но вот, она сказала, что родственники, порода.... Я боюсь за потомков.

– Порода... У твоего отца вот, пятьдесят процентов в роду – имбецилы, СЛАВА Б-ГУ, мои дети в их породе не пошли.

– Мама!

– А у твоей мамы все – высшая интеллигенция, правда на все сто процентов все скупердя и завистники. Слава Б-ГУ, мои дети в них не пошли.

– Да что с вами? Мы вообще ваши дети?

Открылась дверь и зашел дядя Шуня, тот самый брат Элиной матери.

– Шалом! Какие новости? Видел свиноматку, соседку вашу. Что-то прохрюкала, ехидно улыбаясь. Мы что, стали вдруг чужими, что какая-то животино раньше нас про мою семью знает?

Мать с дочерью переглянулись и улыбнулись.

Отец рассказал шурина все во всех красках.

– Ну, конечно, зачем дяде все знать. Да я этого мальчика почти с детства знаю. Мы с его семьей в один год репатриировались и работали вместе с ним на одном предприятии. Он очень начитан и далеко не глуп. Мы и пили немало вместе. А это животное не слушай, у них вся семейка словоблуды, ну и вообще... Короче, доченька, успокойся, верь своим глазам и сердцу. А та, если еще свою пасть откроет, то я ей все героические поступки, включая ее деда, которого на восьмое марта дети поздравляли...

– Шуня! – прервала мать своего брата.

– Ладно, мать, накрывай, мы с шурином по сто пятьдесят тяпнем.

– Вам лишь бы тяпнуть по поводу и без повода.

– А мне можно пятьдесят?

– Тебе в первую очередь, – ответил Шуня.

В четыре часа дня Дани был в главном офисе холдинга. По-английски он говорил если не отлично, то сносно. Азы он получил в школе, еще в СССР, дипломатическому языку научился, изучая его онлайн по интернету, через мессенджер.

Предварительно Дани созвонился с отцом, чтобы уточнить детали.

– А, да, сынок, тут мама что-то сказать хочет.

– Здравствуй, сынок. Перед тем, как выходить из номера, все тщательно проверь, все ли взял, что где оставил. Не будь рассеянным, как твой отец, меня там рядом нет, некому следить за тобой. Вот, женишься, будет за тобой следить жена. Приедешь, уже надо женить тебя. Хватит, то выбирал – перебирал, то свой образ жизни менял, то заработать надо... СЛАВА ВСЕВЫШНЕМУ, все налаживается. Буйволицу видела.

– Какую именно?

– Твоего дяди жену. Что-то промычала там, как всегда, ехидно улыбаясь. Ты что, ее племянницу хотел?

– Мама, кого я только не хотел.

– Она говорит, что ты хотел поехать поговорить серьезно.

– Мама, когда это было?

– Так она говорит, что она свободная сейчас и тоже религиозной стала, что вы подходите очень с ней. И возраст подходящий. Как раз именно у этой девочки родители хорошие, хотя порода у них оставляет желать лучшего.

– Мама, это злоязычие.

– Мы с отцом поговорили, можем поехать к ним. Как ее зовут, она имя бабки своей носит, Эмма?

– Ага, Эмилия. Но куда ехать не надо. Приеду и скажу, к кому пойдем свататься.

– Слава Имени Твоему Г-СПОДИ!

– Буйволица разорвется от зависти. Никому ничего не говори. И сестре своей не говори. Она иногда в эйфории на радостях может сболтнуть.

– Да никому ничего не говорю, и вы не говорите.

– Ладно, целую, сынок, не траться много на разговоры, пиши на ватсап.

В трубке издали был слышен голос отца.

– Ватсап? Что это?

– Тебе не надо.

– Тебе все надо. Мне не надо – тебе надо. Ух, змея шипучая.

– Змей настоящий ты, удав.

– Мама, хватит уже. И сейчас вы ругаетесь на пустом месте.

– Рахели, что такое ватсап? – Дани продолжал слышать голос отца в трубке, и он засмеялся.

– Деда, чичас объясню, – ответила Рахели, племянница Дани. Она родилась в Израиле и разговаривала по-русски с мягким акцентом.

– Ладно, мама, целуй папу и всех. Скоро увидимся.

– Баба, целуй! – улыбаясь выкрикнула Рахели, услышав голос дяди. – Дани, приезжай и будем тебя женить, и будем танцевать таш-туш. Харс-хурс.

– Хорошо, доча. Целую всех. Завтра созвонимся.

Переговоры прошли успешно, пришли к взаимовыгодному соглашению. Для подписания контракта нужно было дождаться Амина, напарника Дани и его же родственника по отцовской стороне в одном лице.

У Дани оставалось полтора дня до приезда Амина. Это время он решил заполнить учебой, но для более плодотворного усвоения изучаемого он решил пойти в ешиву. Ему сказали, что единственная действующая ешива в Лондоне – это ешива Любавичей. Дани ХАБАД (религиозное еврейское течение) не очень нравился, но он думал, что евреи – все евреи и основа учения у всех одна.

И, в конце концов, кошернее пищи, чем в их ешиве, все равно не найдешь.

В ешиве настало время обеда. Он взял свою порцию и сел за столик. Дани ел и осматривался, он изучал убранство столовой.

Вдруг он заметил в дверях просунувшуюся голову с длинными волнистыми черными волосами, как птичка, клюющая найденную пищу. Он узнал ее сразу. Она почувствовала на себе его взгляд.

– Привет, красавец, через пятнадцать минут буду в саду на лавочке под цветущим деревом.

Если хочешь, подходи. Мне тут быть нельзя.

– Окей.

– Знал же, что она здесь будет, и кто меня дернул сюда прийти!

У Дани на мгновение застыла вилка в руках. «И знает же, откуда подойти, и когда именно, этот ецер ара (нечистая сила), какой все-таки изощренный ум у него! Ну, ладно, и он Создание Б-ЖЬЕ». Закончив мыслить, Дани открыл книгу, прочитал половину страницы и продолжил кушать.

Эмилия сидела на лавочке и что-то рассматривала в своем мобильнике.

– Хау ар ю?

– Ай эм ок.

– Ма шломха? (как дела)

– СЛАВА Б-ГУ все хорошо.

– Приятно своих на чужбине видеть.

– Да, к сожалению, мы понимаем это только на чужбине...

– Ты тут остановился?

– Да нет. Пришел поучиться.

– О, да, прости. Совсем забыла. Ты, конечно, должен учиться. Иди дорогой, учись.

– Неужели она настолько изменилась? – подумал Дани. «Да, откройте Мне свое сердце с игольное ушко, и Я раскрою в нем целую залу» ...– это обращение ВСЕВЫШНЕГО к своему народу мудрецы говорят тем, кто хочет вернуться в свою веру, но ему очень тяжело.

– Да, дорогая, ты действительно достойна высшей награды.

Она посмотрела на него, всем видом своим выражая, что своей наградой она хотела бы видеть его.

– Мне пора, прости. Если возникнут вопросы, звони, номер тот же.

Эмилия, улыбаясь, кивнула ему в ответ.

Дани провел время в ешиве до поздней ночи. Он был там и на дневной и на вечерней молитве. Его пригласили присоединиться к уроку, он не отказался, но спустя пять минут

понял, что он только потеряет время, которое выделил для более серьезного урока.

К Эмилии подошел молодой смуглый парень в черной кипе с надписью по окружности «Да будет жив учитель наш, наш господин Царь Мессия». Ростом он был выше среднего, крепкого телосложения. Большие карие глаза с длинными ресницами, обрамлённые густыми черными бровями, украшали его лицо. Рот был небольшим, и аккуратная подушечка слегка выделялась на пике рта, придавая ему форму бутона. Парень заговорил по-английски:

– Привет.

– Привет, – ответила Эмилия на том же языке.

– У вас интересный своеобразный акцент. Вы, наверное, восточная?

– Горская.

– Это где?

– Кавказ.

– Черкесы, чеченцы?

– Оттуда, да.

– Аааа. Я из США, но родители персидские евреи.

– Мы тоже выходцы оттуда, но две с половиной тысячи лет назад.

– Но вы говорите на идиш, да?

– Нет, на персидском, фарси.

– Вау! Еки, дуду, сэсэ, чер...– посчитал на фарси парень от одного до четырех.

– Пендж, шеш, хафт, хашт, – подхватила Эмилия, дополнив счет до восьми.

Они оба рассмеялись. Затем вспомнили, что на фарси, как и на иврите, дни недели называются не как у всех, а именно так: первый день до субботы, второй день ... до самой субботы.

Перед расставанием молодые люди обменялись номерами телефонов и выяснили, как они называются в Фейсбуке.

Этот лондонский мартовский вечер в ХАБАДском саду стал для них первым новым днем их жизни, жизни счастливой и долгой.

В дверь номера гостиницы постучали.

– Ес! – отозвался Дани.

– ДАНИЭЭЭЭЛЬ...– растягивая имя, произнес знакомый голос.

– О! Шалом! С приездом, сударь, – открывая дверь, поприветствовал троюродного брата – напарника Дани.

– Как вам туманный Альбион?

– Как и сказано, туманный... и лица у всех бледные.

– И у местных индусов, и у пакистанцев?

– Их пока не видел, но хотелось бы увидеть, они красивые, по крайней мере в кино.

– Тогда лучше продолжай их видеть в кино. А мы пойдем подписывать контракт с потомками Ричарда львиное сердце.

– Хочешь вернуть некогда награбленное в Палестинах?

– Ага.

– Ты свою печать не забыл?

– Забыл. Мы под двумя именами твою поставим. Фамилии те же все равно.

Дани удивленно посмотрел на Амина.

– Взял, конечно, это тебе надо напоминать.

– Ну что, по пятьдесят грамм? Натуральный шотландский, резервный. Да расслабься, пошутил, все печати тут. Максимум заказали бы, на месте сделали бы.

– ДАНИЭЭЭЭЛЬ. Не балуйся.

Дани поставил два стакана с толстым дном, вытащил из холодильника тонко, пластинками нарезанное мясо, выложенное по кругу на тарелочке.

– Приводил уже кого-нибудь? Тут много экзотики.

– Ты же знаешь, нельзя.

– Знаем, как вам нельзя. Видят ваших пейсатых в шляпах в клубах.

– И им нельзя, и никому нельзя.

– Ладно, наливай уже. Пока доехал, слегка замерз, чтобы не заболеть, согреемся твоим резервным.

Дани выложил на столик соленья и хлеб.

– Неужели с собой привез, или уже и тут нашел кошерный магазин?

– С собой.

Дани наполнил стаканчики на две трети. Амин поднял свой стакан и произнес тост:

– Чтобы с налаживанием нашего долгожданного бизнеса, ты женился, и мы танцевали на твоей свадьбе в совсем ближайшем будущем.

– Амен.

Они опустошили свои стаканчики. Амин выпил еще половину от того, что выпил в первый раз, Дани, в свою очередь, выпил еще дважды по столько же.

– Не балуйся, нам еще работать.

– Ладно. Вода горячая, купайся первым. Мне еще после трапезную молитву почитать и немного поучиться.

– Пока молитву будешь читать, посижу, чтобы и мне зачтено было.

В главном офисе холдинга их уже ждали.

Они вошли в офис ровно в назначенное время, секунда в секунду, для смеха.

Англичане одобрили этот жест. Через несколько минут представители обеих компаний пожимали друг другу руки.

– Как тебе эта менеджер, в синем галстуке? Заглянул бы ей под галстук? Смотри, какие ноги растут из-под этой юбки, – прошептал Амин на ушко брату на своем наречии.

– Хватит, не позорь меня.

– Надо ее данные посмотреть в документах, там должен быть телефон.

– Хватит, оо, – пытался пресечь Дани.

– До свидания, мы очень рады нашему сотрудничеству и будем так же рады его продолжению, – на чисто русском языке обратилась менеджер в галстук и юбке.

– И мы очень рады, – смущенно улыбаясь, ответил Дани.

– Так тебе и надо, – обратился Дани к брату, когда спустились в лифте. – Тебе пятьдесят пять, ДАЙ Б-Г, чтобы сто двадцать было, а ты серьезнейший человек и чуть не опозорил нас. Хорошо, что на нашем еще шептал.

– Твой старший брат предусмотрительный.

– Предусмотрительный блудник. Ладно, давай папе позвоним.

– Ты отцу, а я позвоню в банк.

– Хочу в ювелирный пойти.

– В Израиле лучше и дешевле. Пошли, покажу тебе действующую синагогу с тысячи семьсот первого года. Ты потеряешься. Там очень красиво и благоговейно.

Возвращение

За столом собрались две семьи – Амина и Дани.

Стол ломился от блюд. Все громко говорили, перебивая друг друга, ладони хлопали по столу, когда говорили что-то смешное. Отец Дани радовался первой серьезной сделке младшего сына. Он поднял свою рюмку, которая терялась в его руке.

– С первым серьезным делом тебя, сынок, СПАСИБО тебе, племяш. Когда-то ты учился у своих старших, вот, теперь и у тебя учатся твои младшие. В общем, за ваш успех, и пусть он всегда сопутствует вам. Лехаим!

– Лехаим (за жизнь - иврит)! – подхватили все сидящие.

– Женить его пора, у нас в его возрасте уже своих трое было, – заявил Амин. – Тем более по девушкам он не ходит и другим не дает.

– Да, ха-ха, – скрипя голосом, подтвердил отец Даниэля.

– Есть вроде у него кто-то, голубоглазая ашкеназочка.

Мать и сестра Даниэля суетились на кухне.

Услышав слова мужа, она переглянулась с дочкой.

– Не держит свой язык за зубами, говорит, что попало. Не знаю, что с ним делать, дочка. Он таким болтливым не был.

– Ну, это с возрастом наступает, нас, наверное, тоже это ждет. Не Дай Б-Г, вы все на меня похожи.

Мать вышла к гостям и, посмотрев на мужа, сказала:

– Ешь то, что перед тобой лежит.

– Ем, почти сорок лет ем, и всегда очень вкусно. В чем – в чем, но в этом ты непревзойденная.

– А в остальном плохая. Ради еды ты сорок лет живешь.

– Ты что! Ты таких детей мне подарила.

Дани наполнил всем рюмки. Затем он взял в руку мобильник и набрал SMS: «Здравствуй, принцесса, безумно соскучился». Он отправил SMS и, положив мобильник на стол, переложил рюмку в правую руку. Прошло полчаса, но ответа не последовало. Дани прочитал молитву после трапезы и вышел на улицу. Прикурив сигарету, он набрал номер Элины. В аппарате послышались два длинных гудка, но следом сразу сменились короткими.

Он перешел дорогу, подошел к ее дому и, всматриваясь в ее окно на четвертом этаже, резко крикнул: «Элиииина» ...

Через несколько секунд он снова набрал ее номер. Произошло с точностью тоже самое. Он снова резко выкрикнул ее имя.

Пришло SMS: «Тебя невеста будет ревновать, доски (ортодоксальные девушки) тоже ревнивые. Вы подходите с ней и внешне, и духовно. Прости, не хочу мешать вашему счастью. Не звони мне больше».

Даню словно оглушило, у него потемнело в глазах, сдавило грудь.

– Добрый вечер, Дани.

Дани повернулся в сторону мимо проходившего человека.

– Добрый вечер.

Человек подошел ближе, Дани узнал в нём Шуню, но слегка изменившегося. У него появился живот, и в висках, и в усах пробивали серебром седины.

– Как дела, брат? Ты возмужал. Давно не виделись.

– Да, – надломленным голосом произнес Дани, – давно.

Ты, наверное, к сестре?

– Да. Идешь со мной?

– Нет, благодарю, – улыбаясь, ответил Дани.

– Идем, не стесняйся, она дома, – Шуня улыбнулся, глядя на собеседника.

– Она не хочет видеть меня.

Шуня улыбнулся еще шире.

– Она-то не хочет? Скорее больше всех, кто хочет видеть тебя, так это она.

Даня посмотрел удивленно.

– Только что сказала, что не хочет.

– А ты не к ней иди. Ты со мной иди.

– Не, неудобно, – улыбаясь, ответил Дани. – Ладно, к тебе, но к сестре.

– Неудобно на потолке спать, одеяло сползает. Ты думаешь, ашкенази не имеют привычки гостей принимать?

– Да нет, неудобно как-то. Тем более, она не хочет. Меня не помнят, столько лет прошло.

Шуня похлопал давнего друга по спине.

– Вставай, брат, идем. Знаю, что говорю.

– Да нет, у нас люди тоже. Давай ты к нам.

– Чтобы только на радостях брат, – сказал Шуня и скрылся в ночи.

Дани вернулся домой. Стол сменился на чайный.

– Ты где был, сударь? – обратился Амин.

– Курил.

– Да брось ты уже эту гадость, датишным (верующим) курить нельзя, только пить. И...

– И не и... старый блудник, – прошептал Дани.

Гости разошлись. Дани лег на диван в салоне и стал читать книгу, в ней говорилось об отношении мужчины и женщины до и после женитьбы.

Он открыл книгу. Первое, что ему бросилось в глаза: «И ответил рабби Йосе: это так же сложно, как и развернуть воды красного моря».

– Сложнее! – выкрикнул Дани.

– Что случилось? – забеспокоилась мать.

– Да ничего, прости.

Он вышел на воздух. Куря сигарету, он задумался. Затем решил поехать к давним друзьям, где раньше он прожигал свою юность. Это была семья из мужа и жены и троих детей.

Дверь открыла хозяйка.

– О! Как жизнь молодая? Ты вовремя пришел как раз ингар (кавказское национальное блюдо) сделала.

– Да нет, только из-за стола.

– Appetit приходит во время еды, давай сразу за стол.

Два мальчика погодки подбежали к Дани и на спор, кто первый, протягивали ему руки. Он пожал обе руки и поцеловал детей.

Хозяин достал бутылку водки «Белуга» из холодильника и поставил на стол.

– Парадоксальная водка: название не кошерное, а сама водка кошерная. Как это понимать?

Дани засмеялся.

– Главное кошерная и чистая, остальное не важно. Распутин, Путин и Жириновский – они тоже не кошерные, так что нам, водку с названием их имен тоже не пить?

Подошла хозяйка, села за стол между мужем и Даней.

– Почему ты у меня не спрашиваешь? – вдруг начала хозяйка.

– О чем? – с недоумением спросил Дани.

– Я же рассказывала про нее. Она с соседскими ребятами встречалась...

– Кто, когда?!

– Оставь его сейчас, – одернул муж жену. – Дай выпить человеку.

– Ладно, лехаим. – поднимая полную рюмку, произнесла хозяйка. Она одним глотком опрокинула содержимое в себя. Закусив, она продолжила:

– Она же моя родственница, и не зря о ней тебе рассказываю. Может, она и девушка, но...

– С кем именно, когда? – недоумевал Дани.

– Когда еще подростком была, она часто заигрывала с посторонними. Неужели мне племянница не дорога?! Но это ... Это не для тебя. Ладно, ешь. Я тебя не меньше брата моего люблю.

Муж молча ел. Затем наполнил рюмки, и поднимая свою, сказал: – Знаешь, а по мне, наверное, лучше слушать свое сердце.

– Чему ты его учишь, – вмешалась жена.

– Я-то послушал. И вот...

– Вот именно и вот...

– За твое счастье, брат, – произнес хозяин и выпил.

– За счастье ваших детей, – продолжил Дани и выпил.

– За все хорошее, – заключила хозяйка и тоже осушила рюмку.

Когда ночь прощалась с утром, Элина проснулась. Она выглянула в распахнутое окно и вдохнула глоток свежего воздуха. Пряди золотых волос отражали лучи утреннего солнца, предавая девушке особую прелесть. Элина приняла душ и пошла на кухню. Вытащив из холодильника разные коробочки, она тщательно рассмотрела надписи, затем некоторые из них поставила на стол, а остальные вернула на место. Позавтракав, вышла из дома.

Первый, кого она увидела в университете, был декан факультета клинической психологии, доктор Соломонов. Она поздоровалась с ним и спросила:

– Могу ли я спросить Вас кое-что по поводу, скорее всего близкому к психиатрии?

– Ну, спрашивай, – улыбаясь, ответил доктор, – чем смогу, помогу.

– Может быть такое, что в подростковом периоде у парня были какие-то видения. В роду у него тоже есть люди с подобными проблемами. Может быть не с видениями, но другими психическими отклонениями. Например, такие как вспыльчивость, или шутки, немного выходящие за рамки и

тому подобное. Теперь в разговоре с этим парнем, которому уже тридцать лет, не замечается ничего особенного, наоборот, он кажется очень умным и последовательным, выдержанным и терпеливым.

– Ну во-первых, уважаемая коллега, вспыльчивость и, как вы выразились, за рамки выходящие шутки – это тип человеческого темперамента, натура такая: холерики, сангвиники и тому подобное. С точки зрения психологии общества, есть целые народы, для которых характерны или вспыльчивость, или меланхолия. А что касается вашего пациента... – тут Элина улыбнулась, – он работает, или служил в армии?

– Да, и работает, и служил в пограничных частях два с половиной года.

– Так вот, если это даже была болезнь Блейлера, хотя видение видению рознь, то, если до восемнадцати лет, его больше не тревожат эти видения, то он вполне то, что мы называем, здоров. Он лечился?

– Да.

Можете быть спокойны. В армии проявилось бы у него что-либо, или на работе, и он не смог бы работать или служить. Вот это все, что могу сказать по данному поводу.

– Очень благодарна Вам, доктор.

– Да не за что. Кстати, не перерабатывайте на своих сменах, в нашей работе голова должна быть чистой, нервная система устойчивой. А Вы, милая, в последнее время приходите на учебу утомленной. От докторского глаза вы этого не скроете.

Элина улыбнулась и еще раз поблагодарила доктора.

Теперь у нее в голове вертелось, как бы теперь возобновить общение с Даней, с ее любимым Даней. «Надо побольше кошерной пищи поест, чтобы очистить сердце», – подумала Элина и сама себе улыбнулась.

Дани пришел на работу немного удрученным.

– Шалом влюбленному бизнесмену, акуленку империализма, – поприветствовал Даню его друг.

– Шалом, – ответил Дани.

– Что мы такие грустные? Маленькая прибыль? Так ничего, это только начало, все так начинают.

– Да нет, брат, серьезная проблема.

– Напомни, праведник, для чего даются проблемы?

– Чтобы их решать, вернее верить в ТОГО, БЛАГОСЛОВЕННО ИМЯ ЕГО, КТО их С ЛЕГКОСТЬЮ РЕШАЕТ.

– Во-во. Значит шотландский виски был чистым, если не проел твою память. Хотя тебя легче убить, чем спить.

– Брат... Даже не знаю, как объяснить, чтобы...

– Что опять?

Дани рассказал другу все, что услышал прошедшей ночью в доме у своих друзей.

– Во-первых, дочь-блудница – снохе не верит... Такое слышал? Как-то у тети Розы слышал такое.

– Да, мама такое говорила... – улыбаясь, подтвердил Дани.

– Во-вторых, на ней мир клином не сошелся. Может, не судьба.

– Да судьба, все совпадает.

– Ну, коль совпадает...

– Ближайшим же вечером ты идешь к ней домой и БЛАГОСЛОВИ тебя Г-СПОДЬ.

– Ты, истинный праведник. Благодарю ВСЕВЫШНЕГО за знакомство с тобой, – он крепко обнял и поцеловал друга.

Прежде всего Дани решил отправиться в Иерусалим. Он молился у Стены Плача с утра до вечера. Молился он неистово. Слезы текли ручьем. Он что-то говорил в небо, о чем-то просил, что-то предъявлял, затем, словно прося прощения, наклонялся очень низко. Затем улыбался, глядя в небо. Улыбка сменяла слезы, слезы – улыбку. Помолившись вечернюю молитву, он решил отправиться в ешиву,

расположенную напротив Стены Плача. В ешиве его приняли тепло. Он поужинал и присоединился к уроку. Ему принесли талмуд. Он попросил посвятить урок его скорейшей женитьбе. Так и сделали. Равв указал на страницу, и каждый открыл книгу на указанной странице. Рав начал читать, и каждый из присутствующих следил, водя пальцем в своей книге. Вот что писалось на этой странице:

«ЖЕНЩИНА ПРИОБРЕТАЕТСЯ мужчиной, став обрученной с ним, и, пока он жив, запрещенной для любого другого мужчины, когда уже никто другой не сможет обручиться с ней раньше, чем она получит гет (разводное письмо от мужа жене) от первого ТРЕМЯ ПУТЯМИ: – одним из трех способов, перечисленных ниже, – И ОБРЕТАЕТ САМОЕ СЕБЯ у своего мужа, переставая быть его женой и получая свободу выйти замуж за другого. ДВУМЯ ПУТЯМИ – одним из двух способов, о которых подробнее сказано ниже.

ПРИОБРЕТАЕТСЯ ДЕНЬГАМИ – которые дает ей мужчина перед лицом свидетелей и говорит ей: «Вот, этим ты посвящаешься мне в жены», – ДОКУМЕНТОМ – или документом, в котором мужчина написал ей: «Вот, ты посвящаешься мне», и который он передает ей на глазах у свидетелей, – И – или – СОИТИЕМ – когда он уединяется с ней на глазах у свидетелей и там овладевает ею, с намерением тем самым совершить посвящение ее себе в жены.

Перед Дани всплыло лицо Элины. Комок подкатил к его горлу. Он сжал кулаки и устремил взгляд в никуда.

Он очнулся, услышав фразу: «Как возьмет мужчина жену и ОВЛАДЕЕТ ЕЮ».

По окончании урока Дани вышел на улицу и направился к Стене Плача. Крупные звезды освещали небо. Где-то был слышен голос муэдзина. Полиция с пограничниками патрулировали Старый город. Откуда-то доносились иностранные слова. Дани шел по площади, приближаясь к Стене, и слезы лились из глаз, затуманивая ему дорогу. Он шел и шептал,

через некоторое время можно было услышать рыдание. Он как будто спорил с кем-то, спрашивая, что же делать, объясняя, что ему не хватает ума и прозрения, только вера, вера и только она в нем сохранилась, больше надеяться не на что, и упование только НА НЕГО, ТВОРЦА, БЛАГОСЛОВЕННО ИМЯ ЕГО.

– Простите, Г-СПОДИН.

– Да, – ответил Дани, поднимая заплаканные глаза на обратившегося к нему.

Затем он словно отрезвел. «Не может быть, – подумал Дани, – это тот самый голодный человек, попросивший у него помощи возле его дома тем самым вечером».

– Вы? Кто вы? Вы ... Вы... Он не знал, как это все выразить, то, что произошло с ним тем вечером.

– Вы почему шляетесь по ночам, молодой человек?

– То есть? – пораженный этим вопросом, ответил Дани.

– Вместо того, чтобы изучать Тору, тем более находясь в самом святом месте этой планеты, вы истрачиваете себя на прогулки.

– Но простите, мы только что учили урок.

– А до этого что делали?

– Молился.

– О чем вы молились и что вы потом учили?

– О женитьбе, и учили о жен...

Тут Дани резко протянул руку к руке человека, чтобы ее схватить и положить на свою голову. Но, хватая руку, он схватил воздух. Хотя и руку, и человека он отчетливо видел.

– Благословите!

– Ты недавно получил благословение. А теперь возьми это.

Человек протянул Дани каменю.

– После хупы (балдахин, под которым венчают молодых), на следующий день, верни мне эту вещь на этом же месте.

Дани протянул руку, чтобы взять вещицу, глядя на нее.

– СПАСИБО.

Он поднял голову и обнаружил себя одного посреди площади перед Стеной Плача. Он стал тщательно всматриваться в слабо освещенное пространство. Но кроме двух пар пограничников, идущих другу навстречу, он больше никого не увидал.

– Кто, как ТЫ среди богов Всесильный Б-Г! – громко произнес Дани.

Ранним утром, помолившись перед Стеной Плача с сотней единоверцев, он уехал в свой город.

Уже было светло, всюду пели птицы. Эфир весенних цветов с деревьев заполнял городскую атмосферу и придавал городу особую прелесть. Идя в сторону дома, он увидел самую красивую, самую любимую девушку. Она стояла на остановке и ждала автобуса.

К Элине подошла толстая соседка.

Элину охватил страх. Ей эта тетка показалась раздувшейся бабой Ягой. Она вселяла в нее тревогу.

– Здравствуй, деточка, – вытягивая челюсть, наигранно улыбаясь, поздоровалась соседка.

– Доброе утро, – натягивая улыбку, ответила Элина.

Эта картина напоминала эпизод из сказки Пушкина, когда женщина хотела соблазнить принцессу яблоком, чтобы усыпить ее.

– На работу, да, деточка?

– Да.

– Я вот иду, нужно сладостей закупить на подарок. Нашу Эмилию сосватали. Племянницу мою, внучку моей сестры, он в Лондон увозит ее.

Услышав сию новость, Элина отшатнулась, а толстуха, смакуя это действие, внимательно наблюдала.

Тут подошел Дани, услышав эту новость, обратился к дядиной жене:

– Поздравляю, тётя. Хорошая партия. Видел его в Лондоне, они очень подходят друг другу.

Элина недоуменно смотрела то на Дани, то на соседку.

Тётя хотела было что-то ответить, но, увидев подошедший автобус, Дани схватил Элину за руку и со словами: «Побежали, а то он уедет, и мы не успеем», – побежал, потянув за собою возлюбленную в автобус.

Ноги Элины сами бежали вслед ногам Дани, как будто они от рождения всегда ходили вместе, связанные чем-то невидимым. Молодые запрыгнули в автобус, двери захлопнулись, и автобус рванул с места. Автобус был полупустым, и парочка села на первую пару кресел с левой стороны у входа.

– Это что было? – указывая пальцем на дверь автобуса, спросила Элина.

– Это был побег от злющей бабаёшки. Она сейчас превратилась в жабу, надулась и вот-вот лопнет.

Элина подбежала к заднему окну автобуса и стала смотреть в сторону остановки, где они оставили соседку, чтобы убедиться в Даниных словах. Только она подбежала к окну, как прозвучал хлопок.

– Мама! – крикнула Элина.

– Мама, – крикнул мальчик из передней части автобуса.
– Шарик лопнул!

Раздался смех Дани, он заполнил весь автобус и заразил всех сидящих.

Элина смотрела на него выпученными глазами, играя синовой своих зрачков.

– Ты действительно псих, она была права.

Дани снова стал смеяться. Потом спохватился и спросил:

– Кто была права?

– Жаба.

– Кто?!

– Тьфу ты! Да тетя эта твоя!

– И что она сказала?

- Да ничего, все, проехали.
 - Что она сказала? – Глаза Дани налились кровью.
 - Я боюсь.
 - Да не бойся ты, первый день меня видишь?
 - Таким – да.
 - И ты думаешь все, что она сказала – это я?
- Элина молчала.

Дани встал, подошел к двери. Голова у него была опущена, губы дрожали.

Через мгновение открылась дверь, и он вышел из автобуса.

- Да стой, ненормальный, вернись! Да что с тобой!
- Да что же это происходит. Дура, идиотка. Не зря мама говорит, что язык мой меня до добра не доведет.

Дани шел и весь дрожал. Дрожал от обиды, у него текли слезы. Он зарыдал.

Потом посмотрел вопросительно на небо.

– Где ТЫ?! – зарычал он. – Владыка мира, Прояви Себя Мне!

Из бокового кармана куртки выпал кошелек, из него что-то выпало. Он поднял это и положил в нагрудный левый карман над сердцем.

Элина вдруг вспомнила слова доктора Соломонова. Ей стало легко. Она позвонила Дани. Тот не слышал звонка. Он курил и думал. Она послала сообщение: «Прости, Даничка, прости, пожалуйста. Еще не кипур (день искупления), но ты прости, пожалуйста».

Дани разлился в улыбке. Много ли надо влюбленному сердцу. Он вспомнил, как она подбежала к заднему окну автобуса, чтобы увидеть, как его тетя, превратившись в жабу, лопается, и стал смеяться.

Он позвонил Элине.

- Давай встретимся в Кафе-Кафе в восемь вечера.
- Давай.

- Люблю тебя.
- Хорошо. Ты даже не представляешь себе, насколько это хорошо.
- Надеюсь, смогу представить.
- Надейся.
- Приготовь мне книгу о шаббате и ее запретах. Только с убедительными комментариями.
- Только с убедительными.
- В четверг еду на семинар.
- Я с тобой.
- Он женский.
- Как женский? Только женский?
- Да, только женский.
- Окей.
- Все, Данюсик, отбой.
- Люблю тебя.
- Надеюсь.

В восемь вечера молодые сидели за столиком. Через некоторое время послышался смех, и Дани заметил жену своего дяди в обществе высокого мужчины. Он обхаживал ее, словно глухарь перед избранницей. Следом шла тётя Элины, у которых недавно был Дани, но тоже в обществе не своего мужа, но более молодого мужчины крепкого телосложения. Взгляды всех знакомых упали друг на друга, и веселый шум усилился...

Дани смотрел на своих знакомых и родственников и думал: «Надо же, как они близки по духу, как они похожи. Как они определяют, что они люди одного склада и собираются в такие компании? Неужели ВСЕВЫШНИЙ и блудников с блудницами подбирает друг другу? Нет, скорее всего это Его завистник – это ецер хара – (дурное начало, несовершенное творение, это нечистая сила)».

– Молодой человек продолжал анализировать: – Мы все так давно друг друга знаем, но почему-то не могу вспомнить Элину.

– Несмотря на то, что он часто бывал в обществе её родственников и даже порою ночевал у них дома. Кого только там не было, но Элину он не помнит. Дани вспомнил слова своей знакомой, у которой недавно сидел ипил. Он отчетливо помнит эти ее слова: «Она целовалась... Почему меня не спросил? Это же моя племянница» ... Он представил ее, целующуюся с парнем. Потом успокоил себя: – Это же не считается. Это не по-настоящему. А может быть, это вовсе неправда, – и вновь его охватила тревога. – но она же девушка, как она могла себе позволить с кем-нибудь... – Влюбленный молодой человек перебирал в голове священное писание, чтобы найти доводы, которые могли бы опровергнуть его тревоги.

– Ты куда засмотрелся? Не на мою ли тётю? Аааа, вы же знакомы давно, с тех пор, когда я еще под стол пешком ходила.

– Ну, не под стол. Помню тебя пару раз, тебе лет восемь было, ты полнее немного была.

Элина улыбнулась. Они посидели минут тридцать и попросили счет. За столом они делились мечтами, рассказывали каждый о своем прошлом. Иногда их смех задевал соседние столики и люди, глядя в их сторону, улыбались. У них оказались общие знакомые. Сестра Элины была замужем за троюродным братом Даниэля. Они жили в Средней Азии.

Прозвучала мелодия айфона.

– Да, мама. Скоро. Да. Мама, хватит. Ну, мама, не позорь меня. Ой, забыла совсем. Бегу. Все. Бай.

Дани, улыбаясь смотрел на возлюбленную.

– Я совсем забыла. У нас завтра самолет в Казахстан.

– От ХАБАДа? – улыбаясь спросил Дани.

– Нет, это твоя Эмилия от ХАБАДа к своему персу летит. У меня племянник родился, летим с мамой.

– Надолго? – слегка опечалившись, спросил Дани.

– На месяц, пока ребенок окрепнет немного и сестра тоже.

– Ого. Так долго.

– Родная же, кто за ней, как мы, сможет присмотреть...

– Правильно. Это мне будет тут без тебя пусто, скучно.

– Ой, да прям, за месяц знакомства тебе уже будет скучно. Ты еще толком меня не знаешь, а уже скучно...

– А что мне знать? Мне хорошо с тобой. Остальное какое значение имеет? Если мне с тобой отраднo, то значит – ты на меня воздействуешь тем, что меня радует и поит сердце счастьем.

– Ох ты! – Элина наклонила голову в сторону и слегка покраснела.

– Это – ох ты, милая.

– Ладно, идем.

Молодые вышли незаметно для своих родственников и знакомых. Они шли в сторону своих домов. Со стороны светофора в их сторону шла женщина небольшого роста, густые кудрявые темно-каштановые волосы, казалось, были причесаны назад, но слегка вздымались, как непослушные пружины. Женщина шла быстро и, прищуриваясь, смотрела вперед, словно выискивала кого-то. Большие квадратные очки прикрывали ее немаленькое лицо. Темно-карие зрачки суетились на выпученных белках голубоватого оттенка.

– Оооо, тетя Эльнара.

– Даничка, привет. Как дела?

Она посмотрела на спутницу племянника.

– Здравствуйте. Какая Вы красивая. Вы обладаете редкой красотой, девушка.

Элина, смущаясь, поблагодарила тётю.

Дани гордо улыбался. В это мгновение он ощутил, как счастье разливается по его нутру и отрывает от земли. Откуда вы репатриировались?

– Из Пятигорска.

– Земляки. Горская?

– Нет, европейская. Но у нас много знакомых, и сестра замужем за горским.

– Очень приятно. Я Даничкина тетья, меня зовут Эльнара.

– Очень приятно, Элина.

Тетья повела языком между щеками и деснами, подвигала челюстью и вывела остатки пищи, затем, прожевав, проглотила. Это было проделано легко и почти незаметно.

– Не буду вам мешать наслаждаться друг другом. Даничка, папе и маме привет. Зайду к вам, или ты ко мне, нужно кое-что обговорить. Как раз время подошло. Ну все, бай.

– Бай, тетья.

– До свидания, тетья. Было приятно познакомиться.

Слова Элины отправились тете Эльнаре вслед, она уже была в десятке метров от них. В их роду все, пусть небольшого роста, но ходят быстро.

– Папина сестра. У меня с обеих сторон по одной тете, чтобы были здоровы.

– Она на учительницу похожа или библиотекарьшу.

Дани засмеялся.

– Она и есть библиотекарьша с большим стажем.

Молодые подходили к своей остановке.

– Ты завтра улетаешь?

– Да.

– Прилетай раньше, чем через месяц. Что тебе там месяц делать?

– Там родная сестра, племянники, и двоюродная сестра недалеко от них живет.

Мы с ней к тому же подруги.

– Ватсап будет?

- Будет.
- Буду писать.
- Хорошо.

Дани приблизил лицо к лицу напротив и ощутил тонкий аромат духов. Перед ним всплыло все детство. Родительская спальня, он на кровати с мамой, рядом будуар, на котором несколько флакончиков с духами. Одни из этих духов издавал такой же аромат, как тот, которому он внимал в этот момент.

Между губами молодых мог поместиться только волос.

– Ты идешь домой?! – послышался голос матери Элины.

– Да, иду.

– Счастливого пути. Мягкой посадки и радостного возвращения. Не забудь сидур взять. Утренние благословения и дорожную молитву.

– Пока.

В гостях

В первый же вечер в доме сестры собрались все близкие ее мужа. Они сидели за большим столом. Еды было много, выпивки тоже. Разгоряченные, все разговаривали громко.

Сестра спросила сестру своей свекрови, знает ли та семью Дани, назвав при этом фамилию и имя Даниных родителей.

– Да, конечно. Их сын с Артуром нашим учился, и в Израиль вместе приехали. Что мы, Дани не знаем? Любит выпить, на свадьбах непристойно ведет себя.

Элина посмотрела на зятя.

– Мы все учились в одном классе и очень дружили. За ним ничего не замечалось. Ходили друг к другу домой. Но нам тогда было по пятнадцать лет.

– Да он не давал танцевать на свадьбе. А Артурика сколько раз позорил: блевал, чепуху говорил.

– Но меня там не было, не знаю, – заключил зять.

После обильного ужина зять сел за фортепиано. Полилась романтическая музыка. Волосы златопадом прикрывали нежное девичье лицо, по которому медленно скользили слезы. «Что за жизнь, Б-ЖЕ, что за жизнь, – стонала душа Элины, – за что мне это все?» Элина знала, что тетя зять, мягко говоря, не из чистейших благороднейших дам. Да и ее саму они хотели для младшего брата зятя. Правда, сам зять категорически был против, зная характер своего брата. Музыка лилась, изредка меняя тона, то слегка возвышаясь, то вновь опускаясь. Потом пошли все песни юности зятя и Дани. Пелись песни под фортепиано, под их мелодию тяжелые мысли Элины давили ей на душу, и в области груди появлялась тяжесть, причиняющая скорбную боль. У девушки все перемешалось в голове: это, наверное, зависть, блудная

натура женщины; или же все-таки он был и есть такой, но не проявлял ни разу ту, другую сторону, о которой говорила эта мощная, с красивым лицом женщина; а вдруг эта сторона проявится потом?.. Девушка думала и не могла найти себе ответа. Мать смотрела на дочь и в сердцах корила родственницу. Ей было больно за дочь. Она впервые проявила свои чувства, серьезно отнеслась к такому важному жизненному вопросу. А тут с такой высоты чистых, приносящих счастье порывов, ее дочку грубо бросили на землю, развеивая ее мечты, настоящие мечты, но не иллюзии.

Мать не знала, что говорить дочке. Это был самый тяжелый момент в их жизни. От этого матери становилось еще больнее.

А музыка все играла. Уже кто-то отбивал ритм лезгинки, и зять тут же подхватил его на клавишах. Женщины в такт покрикивали танцующим: Харс-хурс! Тац-туц!

Мать вышла на улицу и позвонила отцу.

Она все подробно пересказала мужу.

– Когда он пил?! Когда блевал! Сколько ему лет тогда было?!

– Лет восемнадцать-двадцать, на Артурика свадьбе.

– Ну и что?! Это когда было?! И что, с человеком не может произойти подобного?! Каждая шлюха будет что-то говорить, вы будете слушать и верить?! Короче, меняй билеты, и чтобы через неделю были дома. Элине скажи, чтобы не спешила принимать решения и отказываться сразу от своего счастья из-за каких-то грязных сплетен. Отказаться всегда успеет. В конце концов, ее никто насильно не заставлял и не заставляет, и заставлять не будет!

Он отключил телефон. «Вот старая блудница. На самой негде пробу ставить, о ребенке сплетничает», – мужчина кипел, он был вне себя от ярости. Несмотря на свою сдержанность, он не в силах был сдержать выдающихся эмоций, почти будущий тесть Дани применил все красноречие

относительно сплетницы. По стечению обстоятельств, Данина тетьа являлась родственницей той самой тети их зятя.

Мать зашла домой, пар, исходящий от создавшейся атмосферы, ударил в лицо.

Лезгинка играла вовсю. Теперь музыка сменилась на армянский свадебный танец, которым некогда блистал скрипач Каро Карапетян. Мать подошла к дочке, убрала волосы, провела ладонями по щекам, вытерев слезы, и поцеловала в обе щеки. Затем шепнула на ушко, улыбаясь: «Звонила папе, ни за что не переживай. Он сказал, если любишь его, не волнуйся из-за сплетен, веселись, и мы через неделю возвращаемся домой. Папа велел поменять билеты. Идем танцевать». Элина поднялась, и мама ввела ее в круг. В комнате стало светлее, словно на чистом голубом небе вышло яркое девственное солнце. Элина кружилась, развевая золото волос вокруг себя. Зять радовался Элине, он очень любил ее, как добрый дядя может любить свою племянницу.

Через неделю мама с дочкой уже были дома. Отец встретил их, подъехав на своей машине. По дороге, в машине он еще раз попросил дочку не делать скоропостижных выводов.

Дочка открыла ватсап. Пока они летели, сестра успела напицкать ее ватсап сообщением:

– Слушай, что еще говорят про него. Ему, оказывается, нравятся взрослые женщины.

Мать краем глаза увидела сообщение и прочитала его вслух.

«Интересно, откуда они это все знают?»

– Артурика тетьа, наверное, соблазняла его, она баба видная, мало ли.

– Папа! Но не до такой же степени.

– Это ерунда, доченька, в любом случае он мужчина, но я другое слышал. Говорят, он террорист, из территорий послали его, потому что он похож на кавказских евреев и научили его горскому языку. Он настолько хорошо знает

язык, что стал стихи писать и переводить песни на горский язык.

– Ха-ха! Ой, Венька, ты как скажешь что, – ответила мать.

Отец остановился у светофора, Элина обняла отца с заднего сиденья и, привстав, поцеловала его в щеку.

– Доча, папа небритый.

– Доча любит тебя любым.

Возвращение Элины

Даня сидел у дома Элины на лавочке. Шуня ему рассказал обо всем, что происходило в гостях у его старшей племянницы. Но он его успокоил, сказав, что зять все уладит.

Дани открыл в мобильнике Фейсбук.

Он увидел, что ему пришло сообщение:

– Как жизнь, сладкий?

Дани посмотрел на автора. Это была его давняя подруга, с которой он проводил время. Она жила рядом со средней сестрой Элины в соседнем городе. «Что это она вдруг», – подумал Дани. Ради приличия он решил ответить.

– СЛАВА Б-ГУ, все хорошо, – следом последовало, – как обычно.

– Слышала, женишься.

– Хочу. Пора уже.

– Элина, Яны сестра?

– Да.

– Помню ее с детства. Они все чистые, порядочные. Но эта с характером. Очень сложная. Ты у нас мягкий, сладкий.

– Это же хорошо, для гармонии.

Дани вышел из Фейсбука.

«Откуда вы все взяли? Что вам всем надо», – возмутился Дани.

Подъехала долгожданная машина.

Дани подошел к двери водителя. Дверь открылась. Вышел Веня, отец Элины.

– Шалом! – Дани протянул руку.

– Шалом, сынок, – Веня пожал протянутую руку.

– Ну что ж, заходи.

Сзади открылись обе двери. С правой вышла мать, с левой – Элина.

- С приездом, – поприветствовал Дани.
- Спасибо, – ответили мать с дочкой.
- Дани, заходи, заодно поможешь с чемоданами.
- Да тут и чемоданов-то нет толком, – прозвучал голос.
- Конечно, помогу. Где они, в багажнике?

Дани пошел к багажнику машины, который был уже открыт. В нем действительно было мало сумок. Дани улыбнулся.

– Действительно, так мало.

– Это они не успели в город выйти, иначе грузчиков легче было бы нанять, – пошутил по обыкновению Веня.

На мобильный Дани позвонили.

– Да. Хорошо. Уже выезжаю.

– Подниму сумки, и мне нужно бежать. Вечером увидимся, или уже завтра. Вам же отдохнуть надо. – Да, от отдыха всегда нужно отдыхать, сынок. Зайди, как сможешь. Шуня тоже грозился прийти после работы, за внучатого племянника новоиспеченного узнать.

– Спасибо. Постараюсь.

– Кстати, приди к нам как-нибудь шабат встретить, просвети неграмотных.

– С удовольствием.

– За кашрут не переживай, мы уже месяц, как кошерные. Кушаем дом Йосефа с короной. Так что королевский ужин будет.

– Слава Б-гу! – Дани радостно улыбнулся.

Все это время мама с дочкой молчали, опустив головы. Дани знал, в чем дело. После событий в Казахстане тетя Элины позвонила Дане и предупредила о том, что родственники его близкого друга нелестно о нем отозвались. Он не мог понять, почему же это произошло. Потом он вспомнил, как, еще давно, когда он просил познакомить его с одной из родственниц жены этого друга, тот каким-то образом предотвратил их встречу.

Дани поехал на встречу с партнером. Вечером, после молитвы, он сел за компьютер и на одном дыхании написал:

Дружба

Мне службу дружбы хочется узнать:
Что в ней содержится, что ждать мне от неё?
Она ли враг, она ли словно мать
Обережёт, иль прямо в душу пнёт?!

Но с детских пор я цену дружбе знал.
Она будила нежность в фибрах мне,
Но день пришёл, и под ребром кинжал,
И я ловлю от дружбы град камней.

Но Слава Богу! Гибок духом я,
Предательству вовек не хватит сил
Сломать мой дух. Так слушайте, друзья!
Камнями вашими я водку закусил!

Я с вами буду пить и вашу чернь
Размою чистой, огненной водой.
И лира, как душистая сирень,
Пробудит нежность в вас, как той порой.

Во мне вы мою нежность пробуждали,
Тогда предательство спало в вас крепким сном...
Ведь вы не ведали для вас нелегкой дали,
И подлость не стучалась в мирный дом.

Так чем же служит дружба, кто ответит?
И сколько лет ей преданной нам быть?
Кому же верить на большой планете,
Чтобы с камнями водку не глушить?

Не хочется лишаться старой дружбы,
Хочу и новую возвысить, как звезду!
Поэтому вновь окажи мне службу,
С кинжалом под ребром тебя я жду!

За семейным ужином отец обратился к семье:

По поводу субботы с Даней я действительно не пошутил. Закупите все, что нужно, и обязательно проверьте кашрут. Он будет проверять, или же не притронется.

– Папа, это действительно тебе нужно?

– Папа делал когда-нибудь то, что не нужно?

– Совсем не делал, – ответила язвительно мать.

– Что-то не пойму, что все напрягаются. В чем проблема? «Что вообще происходит?» – спросил брат, слыша весь этот спор.

– У твоей сестры на неделе семь пятниц. То парит от счастья, споря с солнцем, кто выше вознесся, то по врагам своим траур держит. Сама не знает, чего она хочет.

Тут закричал дед, отец матери, и заговорил на идише.

– Что, намечается радостное мероприятие? Чей он? Откуда?

– Да, с Кавказа, папа, с Шуней парень работал, – ответила мать.

Дед посмотрел на Шуню, поправляя усы.

– Да хороший парень, папа, настоящий еврейский мужчина. Работает, живет с родителями, не ребенок.

– А в чем же проблема?

– Да напичкали твою внучку сплетнями всякими.

– Аааа... – дед взял носовой платок и закашлял туда хорошую порцию мокроты. Потом взял салфетку со стола и протер губы и усы. – Так вашу бабушку тоже отговаривали, говорили, что он взрослый моряк, у него рука тяжелая, бубу-бу, – конец фразы он непонятно пробубнил под нос, как будто жуя и проглатывая ее. Сидящие за столом хором засмеялись.

За десятки лет дед ни разу пальцем не тронул бабушку, в каком бы порыве гнева он не был бы. Но, словом, мог ранить не хуже его японского кортика.

– Я сказал, – продолжал дед, – если она сейчас откажет, то больше не пойду за ней бу-бу-бу и всё... Внушенька, они пусть хоть смеются, хоть что, но ты должна знать. У тебя и свои дети будут, и дети у твоих детей будут – всегда, когда кто-то собирается жениться, между ними ведут сплетни. Ты девочка не глупая. Тебя никто не заставляет. Присмотрись, подумай.

Дочь посмотрела на мать. Мать перевела на русский, вплетая ивритские слова.

– Как хорошо, когда дома старшие есть, тем более мудрые, – сказал Веня.

– Жаль, отца моего толком не видел, каким умным он был, – сказал дед.

– Ладно, Натан, наливай. Что это мы тут? Б-Г, БЛАГОСЛОВЕННО ИМЯ ЕГО, ДА ПОМОЖЕТ НАМ ВСЕМ.

– АМЕН, – ответили все хором.

– ОМИН! – ответил дед.

Брат наполнил всем рюмки. Отец вновь обратился к семье:

– Значит, в пятницу ждем жениха.

– Жениха? – удивилась Элина.

– О! Раз вырвалось, значит женится, – уверенно сказал дед.

Наступила долгожданная пятница. Продуктов закупили столько, как если бы с Даней должно было прийти еще как минимум десять человек. Все отпросились от работы в пятничный день. Супруга Шуни перебирала гардероб, подбирая наряд, чтобы пойти встречать настоящий шаббат.

Сестра Дани предложила пойти вместе с мамой встречать шаббат в доме Элины.

– Мира, я же не иду свататься, меня пригласили встретить шаббат по закону.

– Ну и что, мы с мамой пойдем как сваты.

– Они же не горские, мама. А вдруг...

– Что вдруг? – встревожилась мать.

– Ааааа. Забыла сказать. Артура мама звонила. Сказала, что про Даничку никто ничего не говорил, это недоброжелатели сплетничают, это неправда, что они все Даничку любят.

– А что случилось?

– Кто-то про Даню наболтал чушь всякую.

– Ладно, все нормально. Звонил Артуру, а он в свою очередь позвонил своей матери. Мне сказали, что там мать его замешана была. Но, видимо, она не при делах. Она действительно меня любит. Короче, со мной никто не идет. Вернусь – расскажу, как все было.

Дани вернулся из синагоги и напрямик отправился к Элине домой.

Он постучал в дверь. Открылась дверь. У входа стоял Веня, он сразу поприветствовал Даню.

– Шаббат шалом.

– Шаббат шалом.

– Проходи.

Все хором встали со своих мест, кроме деда.

– Гуд шабес (мирной субботы идиш.), – продолжая сидеть на своем месте, поприветствовал дед Даню.

– Гуд шабес, – ответил Даня.

– Давай, сынок, вроде все кошер, Элина сама все тщательно проверяла. Она сказал, что пока ты от вина не отопьешь и не поставишь на стол бокал, нам не притрагиваться.

Элина стояла в стороне, прислонясь к противоположной стене. Дани посмотрел в ее сторону. Она выпрямилась. Одетая в белое длинное платье, она представляла собою истинную принцессу, аристократку голубых кровей. Три цвета гармонировали друг другу в образе этой прекрасной девушки:

белое платье с вышитым легким люрексом сердцем на груди, золотые волнистые волосы, ниспадающие на плечи, и голубые-голубые глаза, спорящие своей синевой с небом. Дани обомлел. Он увидел хрустальную люстру, подвешенную вплотную к потолку, и заметил, как люстра блекла рядом с чистой яркостью Элины. Радость наполнила грудь Элины. Щеки ее заметно порозовели, и легкая улыбка коснулась ее в меру пухлых губ, формой напоминающие губы ведущих красавиц Голливуда.

Веня подвел Дани к столу под локоть, понимая, что он может еще долго так стоять.

Гость подошел к столу, приближаясь к бутылке вина с бокалом. И вдруг на стене, подле которого стоял празднично накрытый стол, он увидел работающий телевизор. Якубович, шутя, просил длинноногую девушку открыть угаданную букву. Дани резко зажмурил глаза и опустил голову.

– Шма Исраэль, – вырвалось у него из груди.

Мать, Элина и жена Шуни приложили ладони ко ртам, выражая неловкость положения.

– Какой позор, – шепнула мать на идише.

– Позор, – повторила жена Шуни.

Перед носом Дани увидел сидур, протянутый рукой Элины.

В салон вбежал мальчик со скрипкой в правой руке и с пультом управления телевизором в левой. Элина посмотрела на мальчика. Тот выключил телевизор. Затем подбежал к Шуне и стал что-то говорить.

– Борэ при агэфен, – закончил кидуш (освящение субботы) Дани. Он поднес бокал к губам и отпил две трети содержимого.

– Амен! – подхватили сидевшие.

– Омин!

Затем Дани поставил на стол бокал, взял бутылку и разлил по чуть-чуть, в стоявшие на столе, рюмочки. Каждый взял рюмочку и осушил ее.

– Теперь хлеб? – спросил Веня. – Элина сама пекла. Дани влюбленными глазами посмотрел на Элину. Хлеб действительно выглядел необыкновенно красивым и манящим.

– Мать сладкие халы принесла, красивые такие. Дочка сказала, что сладкую халу (субботний хлеб) на шабатный стол ставят европейские евреи, но сефардские евреи не читают благословение на сладкий хлеб, как на хлеб.

– Ты так из нас знатоков Торы сделаешь.

– Мой дед и прадед были главными раввинами. Они все эти законы знали. И в хэдэре (дом ученья для детей в еврейских местечках) преподавал мой прадед. Они в Вильно учились. К ним все местечко наше приходило спрашивать бу-бу-бу... – как обычно заключил дед свой монолог на идише.

Дани посмотрел снова на хлеб и на Элину. Элина улыбнулась в ответ, еле заметно кивая головой.

– А теперь, отцы или старшие, положите свои руки на головы своих младших, – сказал Даня.

Он попросил Веню подойти к деду, следом подошел Шуня. Дед положил свои руки на Веню и Шуню. Дани положил руку Вени на свою голову. Он попросил повторять за ним. Дани прочитал благословение коэнов (первосвященников) и все вслед за ним повторяли. Дед в некоторых словах проглотил буквы. Кроме Дани, вся молодежь смеялась. Дани поцеловал руку Вене, Веня и Шуня в свою очередь поцеловали руки деду.

– А теперь женщин и девочек благословлять, – объявил Дани. Дед положил руки на голову матери и на голову жены Шуни, Веня в свою очередь положил свою руку на голову Элины. Они повторили слова за гостем. Женщины покорно стояли, склонив головы под ладонями мужчин. Они боялись

шелохнуться. По окончании благословений Дани спросил, где можно омыть руки.

Веня проводил его на кухню, вслед за ними пошли остальные. У раковины стоял специальный кувшин для омовения рук. Его приготовила Элина. Дани омыл руки и подождал, пока все проделают то же самое. Каждый из них брал наполненный кувшин в правую руку, затем передавал в левую и начинал поливать поочередно три раза правую руку и три раза левую.

Дани вслух членораздельно произнес благословение на омовение рук, и все хором повторили за ним. Все вышли в салон. Дани занял свое место. Он сел возле накрытых хал. Поднял обе халы и произнес благословение на хлеб. Все ответили:

– АМЕН.

Дед ответил:

– Омин.

Дани отломил кусок халы, окунул в соль и положил в рот. Потом, отламывая по кусочку, раздал всем.

Мальчик схватил Шуню за руку и зашептал ему на ухо. До Дани дошли некоторые фразы.

– Мы хотим сделать выступление: сыграть на скрипке и спеть с сестрой.

– Но в шаббат разве можно? Надо узнать.

– Так спроси его.

– Подойди и спроси.

– Мне стыдно.

Дани посмотрел в сторону мальчика.

– О, скрипка. Люблю этот инструмент. А ты можешь играть?

– Да, хотите послушать?

– Конечно, хочу. Но не сейчас. Можно в другой день к тебе прийти послушать, как ты играешь?

– Да, конечно. Элина! Пусть придет, приведи его. Хорошо?

– Ага, за ручку приведу его к тебе на концерт. Сыграешь ему Моцарта.

– А ты петь можешь?

– Конечно, – глядя в лицо гостю ответил мальчик. – Умею петь лучше, чем играть.

– Субботние песни знаешь?

– Чуть-чуть.

Тогда садись рядом.

Мальчик был счастлив. Он нагнулся к Элине на ушко и прошептал:

– А он красивый и хороший.

– Я счастлива, – шепотом ответила Элина.

– Что он там болтает? – спросила мать на идише.

– Спроси у него сама.

– Кстати, – сказал Дани, – горский, как и идиш, иврит, смешанный с другим языком. Идиш и немецкий, иврит и горский, фарси и иврит. И те, и те – арийцы. А теперь споем.

Дани открыл молитвенник и поднес его к мальчику.

– Ки ишмера шаббат... – затянул Дани субботнюю песню. Мальчик подхватил её.

Шуня с Веней начали в очередной раз вспоминать «дела давно минувших дней», которые они вспоминали как минимум через субботу. Где-то зазвучала мелодия мобильного. Кто-то хотел сфотографироваться, но мать семейства успела их вовремя пресечь.

Дани немного рассказал о недельной главе, приводя пояснения мудрецов. В этой главе рассказывалось о десяти заповедях. Когда Дани огласил заповедь «Не ходи сплетником в среде своей» все хором возгласили: «Оооо! Это правильно – это самый большой грех!»

– Да, – продолжил Дани, – злой язык губит как минимум троих: того, кто говорит, того, кто слушает и того, о ком говорит.

Послышалось кряхтение деда: – Да, есть такие, которым нужно вытащить язык и под корень вырезать кортиком японским, чтобы не губила никого... бу бу бу. И всё.

– Но есть же ситуации, когда надо говорить, надо предупредить, – вступила в разговор Элина.

– Предупредить надо, конечно. Но предупреждение – это не сплетня. А сплетня – это не предупреждение, – ответил Дани. Затем продолжил: – Предупредить, чтобы спасти человека от чего-либо, но не оттолкнуть от его же счастья.

Дани прочитал после-трапезное благословение и встал из-за стола.

– Ты куда? Ты же толком не поел, – возмутилась мать, – а чай, десерт?

– Спасибо, все было очень вкусно. Честно.

– Когда ты приедешь?! – послышался голос юного скрипача, обращенный к гостю.

– Надеюсь, скоро.

– И я надеюсь.

Дани попрощался со всеми и вышел из дома.

– Я его сфотографировала, – сказала жена Шуни. – Элинка, pošлю тебе на ватсап. Красава.

– Ну, в чем ты еще сомневаешься? – спросил отец Элину. – Взгляд психа у него? Или движения подозрительные? Да не то, что на баб – на тебя стесняется смотреть. Заповеди учить надо нам всем.

– Мой дед и прадед учили нас, но мы не слушали, убежали, играли, а потом коммунисты не разрешали, так и пошло бу бу бу и все, – сказал дед.

– Кто хочет, тот учит и следует законам, а не сплетни собирает, – приподняв тон, продолжал отец. – Что еще осталось думать?

– Не знаю, папа, я запуталась. Может быть, он послушает, как племянник на скрипке играет, они же договаривались.

– Да-да! – радостно закричал мальчик, поднимая смычок к потолку.

Брат Элины запел какую-то песню, и все стали танцевать.

Дани вернулся домой. Он достал из носка ключ и открыл дверь. Семья сидела за столом, все над чем-то громко смеялись. Мать посмотрела на сына.

– Ну как? Как приняли тебя?

– Хорошо. Чего только не было на столе.

– Если б только не пил ты там.

– Толком и не пил.

– Ни твой отец, ни ты меня не сможете обмануть. По вашим глазам все видно.

Отец улыбнулся, но так, как будто его застали врасплох.

– И так доброжелателей хватает со своими сплетнями.

– Ладно, хватит, – вмешался отец. – Он что, маленький ребенок и пить не может?

– А ты что ему потакаешь? Оба вы хороши.

Тут вмешалась Мира.

– Не пойму, и что они в этом находят? И как они еще вкусы различают и удовольствие получают? Мне стоит рюмку выпить, и у меня ноги отнимаются.

– Ну что сынок, получилось твое дело? – спросил отец.

– Хм, какое дело?

– Как какое дело? Это же серьезный жизненно важный вопрос. Нам с матерью идти? Или бабушку пошлем?

Мира и мать посмотрели друг на друга и прыснули.

– У них как раз дедушка есть. Он на идише будет с ней говорить, а она на горском.

– Ты, взрослая женщина, что ты глупости болтаешь! – возмутился отец.

– Как раз они примерно одного возраста, – подхватила

Мира. – Они как-то сидели на лавочке и что-то обсуждали на русском языке, путая местоимения. Дед чем-то возмущался, указывая на что-то тростью, а бабушка наша вытирала края губ своих и поправляла косынку.

– Как курочка и петушок из бабушкиной сказки, – улыбаясь, вставил Дани.

– Во-во, точно, – ответила мать.

– Вы разве люди! – крикнул отец. – Ты же верующий, – подымая голос, обратился он к Дане.

– Первая заповедь, данная ВСЕВЫШНИМ: плодитесь и размножайтесь, – ответил Дани.

Мира чуть не упала со стула. Мать громко смеялась.

– Да... папе вашему братика или сестренку настрогают. Может быть, от ашкеназа нормальный ребенок родится.

Отец невольно засмеялся, он приставил палец к виску и, делая жест, указал взглядом на мать.

– Так как тебя приняли? Как их общее впечатление? Как ты думаешь, ты им подходишь?

– Если не подходил бы, не пригласили бы, – ответила мать. – Помнишь, брата моего сватали для дочки своей в Кишине? И квартиру предлагали, и машину...

– Это тридцать лет назад было. Здесь они кровь до последней капли пьют своему народу. Им дай волю, с землей сравняют тебя, и оберут до нитки, и мускул на лице не вздрогнет. Дани вдруг опустил голову и задумался. Он вспомнил, как ходил в консульский отдел в Тель-Авиве, чтобы принять гражданство. Как его допрашивала русскоговорящая толстая женщина, фыркающая под нос. Ей не нравилось, что Дани уже несколько раз приезжал и уезжал, и вдруг решил взять гражданство. Только доказательство, что его близкие родственники уже давно репатрировались, убедило ее. Он вспомнил еще эпизоды из своей жизни. Но также вспомнил и неевропейских евреев подобного рода.

– За это нас изгоняли и ненавидят, за это наше страдание,

– Дани говорил с печалью в сердце. Но вспомнил, что сегодня суббота.

– Семье понравился. Теперь с ней надо окончательно поговорить, и тогда все решится.

– А ты напиши ей оду, – предложила сестра, – твои стихи любого на слезы пробьют или заставят жить.

– Стихи..., – подумал Дани. Он посмотрел на отца.

– Ее брат пригласил меня прийти послушать, как он на скрипке играет.

– О, отлично! Молодец, красавчик. Возьми внука моего тоже, он же любит музыку.

– Мы все пойдем. «Б-Г Велик», — сказала мать.

– Я приготовлю подносы. Узнай, когда можно будет прийти.

– Хорошо, спрошу Шуню.

– Роза! Приготовь мой костюм! – потребовал отец.

– Сию секунду приготовлю тебе костюм и галстук!

– И носовой платок, – добавила Мира.

К матери подбежал кучерявый смуглый мальчик лет десяти, с крупными глазами и пухленькими губами.

– Бабуля, и я иду? Буду скрипку слушать?

– Душа бабина. Да, твои болезни на меня. Только веди себя скромно, ты же воспитанный мальчик.

– На нем болезней нет, – услышался голос бабушки, – он ребенок, он чистый.

– Баба, ты же идешь? – спросила Мира.

– А что, новый закон вышел, чтобы молодежь впереди старших шла?

Мира взяла мальчика за руку, вывела в центр салона и начала напевать мелодию лезгинки. Ее подхватили голоса: тац-туц, харс-хурс! Все вышли в центр и стали танцевать. Даже отец подскочил. Он поднял руки и, выкидывая ноги вперед, стал выкрикивать: – Хоп ха!

Семья радостно смеялась и танцевала.

Семинар

По окончании молитвы шахарит Шмуэль подошел к Дани.

– Ну, что там у вас?

– Испытания.

– Чем тяжелее испытание, тем больше плата.

– Надеюсь, что это зачтется за тяжелое.

Шмуэль положил руку и стал благословлять Дани.

Мимо идущие прихожане, услышав последнюю фразу, хором ответили: «АМЕН».

Дани попытался поднести кисть Шмуэля к губам, но тот резко оторвал свою руку.

– Благословится благословляющий, – благословил Дани друга в ответ.

– Амен, – ответили прихожане.

Направляясь к остановке, Дани смотрел в небо и что-то шептал. Потом вдруг улыбнулся. Теперь он просунул два пальца в левый нагрудный карман, вытащил оттуда вещицу, которую получил в Иерусалиме перед Стеной Плача от уже знакомого незнакомца, поцеловал ее и вернул в карман.

На остановке стояла Элина. Она была погружена в «айфон».

– Благословенной недели, красавица.

– Благословенной недели, – с холодом в голосе ответила Элина.

– Меня понизили в сане?

Элина вопросительно посмотрела на Дани.

– Отстранили от принцев?

Элина улыбнулась: – Принцами рождаются.

– Пардон, видимо не уродился.

Элина посмотрела на него.

– Какой же ты красивый, все-таки. Генетика хорошая.

– СПАСИБО. У тебя генетика не хуже.

Они действительно похожи на героев турецких сериалов, в чьих актерах намешано множество кровей. Тем самым создается прекрасная палитра человеческой красоты.

– Элина.

– Что?

Дани протянул ей приглашение. – Это на семинар. Тебе очень понравится. Там ты узнаешь многое, что изменит твой взгляд на мир и творящееся в нем, на жизнь и на тех, кто ею живет. Не пожалеешь. И для специальности твоей понадобится.

– Я работаю.

– Возьми выходной.

– Какой выходной? Только устроилась.

– Возьми больничный.

– Но я здорова.

– По тебе не скажешь, с тех пор как ты приехала.

– Ну, это внутри.

– Вот это внутри там и лечат, на семинаре. Там и еда хорошая, и бассейн для женщин отдельный.

Она взяла приглашение и, посмотрев на Дани, устало улыбнулась.

Дани посмотрел в небо и стал шептать.

Подъехал автобус Элины. Попрощавшись, Элина села в автобус.

Элина услышала мелодию мобильного. Она подумала, что это Дани, и уже стала думать, что бы ему ответить, чтобы не продлевать разговор. Тяжесть, давившая ей на душу, отбивала всю охоту к общению, она думала, чем бы ей развлечься или как бы поспать.

На экране высветился номер начальницы.

– Элиночка, доброе утро. Как ты?

– Спасибо, по дороге на работу, скоро буду.

– Слушай, нам выдали субсидированные путевки в Эйлат на конец недели. Никто не работает в твоём отделе с четверга. Только нужно отправить список тех, кто едет. Сейчас.

– А можно я не поеду?

– Да, можно. Тем более у тебя вид неважнецкий.

– Я уже возле работы, сейчас увидимся.

– Ок. Бай.

– Бай.

Элина вспомнила шепчущего в небо Дани.

«Я начинаю его бояться, – подумала Элина. – Но это добрая боязнь. О, добрая боязнь – алогизм? Или неологизм?» С этими мыслями Элина вошла в Центр оздоровления души, где она работала.

Войдя в пансионат, где должен был пройти семинар, Элина увидела плакаты с изображением ведущих раввинов Израиля. Многих она уже слышала в ютубе.

В регистратуре у Элины попросили приглашение. Сверив все данные, ей выдали ключ от ее комнаты и расписание на все три дня семинара.

– Простите, вы не скажете, какой тут кашрут?

– Да? Конечно, об этом и в приглашении указано. БА-ДАЦ бейт Йосеф.

– СПАСИБО.

Элина думала, что Дани позвонит или хотя бы напишет сообщение. Но ничего не было.

Дани тонко чувствовал все происходящее в ее душе. Он ждал излечения.

И вот долгожданная лекция. Основы каббалы, изменяющие взгляд на все происходящее вокруг и внутри человека.

Голос молодого равва проник в сердце девушки. Она выпрямилась и начала прислушиваться. Ее голубые зрачки стали вдруг разгораться необыкновенной синевой. Она жадно внимала каждому слову. На каждый вопрос, который возникал у нее в голове, равв отвечал, словно читая ее мысли.

Он говорил внятно и последовательно. В зале образовалась тишина, в которой можно было слышать дыхание людей через два-три ряда.

Равв объяснял строение души и мышления человека, о чем было написано две тысячи лет назад великим каббалистом Раби Шимоном бар Йохамом, мир ему, и раввом каббалистом Ари акадош, который жил на Земле пятьсот лет назад.

Элина увидела карту человеческой души, как географическую карту мира – в разных цветах. Она осознала, что творилось с Дани в юности, и кто с ним это творил и ради чего. Она видела чью-то руку, хватающую за часть юношеской души, затем как сильный свет отгоняет эту руку и душа растет. Она поняла, что, наделенный силой, исходящей от ВСЕВЫШНЕГО, Дани стал духовным богатырем, и сила его растет. Растет и крепнет, благодаря вере и работе над собой. Что он чист для любви и жизни. Она заплакала от счастья, слезы текли крупными ручьями. Она улыбалась.

Равв объяснил, что за столетия евреи покрылись толстой корой, и ее тяжело снять, чтобы очистить душу и разум. Ецер ара (нечистая сила) обволакивает человека соблазнами и старается не дать ему приблизиться к Торе. Он рассказывал невероятные истории. Чем больше он говорил, тем больше она понимала Дани. Наконец-таки все сомнения ее исчезли, и она ожила. Элине не терпелось выйти и позвонить Дани. Она послала записку равву, чтобы тот ответил в конце лекции, как это происходило на предыдущих лекциях.

«Здравствуйте, уважаемый равв. Все, что вы рассказали, необходимо знать всем, и мы Вам за это благодарны. Но как донести до людей все это, и чтобы это было так доступно? Ведь вас, к сожалению, так мало».

Равв ответил: «Мы все должны за это молиться и бороться. Но потихоньку. Никакая молитва не остается без ответа. В любой момент, в любом месте, при свечах и без них. И обязательно платить цдаку (пожертвование для бедных)».

Элина выбежала на улицу и начала набирать номер Дани. Но он позвонил сам.

– Привет. Ты почему не приехал?

– Приехал.

– Когда? Где ты?

– В первый же день семинара. Подними голову и освети своей синевой входную дверь пансиона.

Элина, улыбаясь, посмотрела на вход. Ее щеки вмиг порозовели, лицо засветилось счастьем. Дани улыбался в ответ. Он вышел на улицу и ждал ее там. Элина вышла следом. Они пошли к морю. Воздух был сух и свеж. Звезды низко расстелились над Эйлатом. Они оба шли молча, улыбаясь. Каждый думал о своем, и им было вместе хорошо, приятно, радостно. Они подошли к берегу моря. Вода почти не шевелилась. Дани смотрел на Элину и на воду, пытаясь найти сходство между глазами любимой и морем. Элина посмотрела Дани в лицо.

– Ты знал об этом?

– О чем?

– О том, что говорил равв каббалист.

– Знал, – улыбаясь, ответил Дани.

– Почему мне об этом ничего не говорил?

– Кто я такой, чтобы об этом говорить. И мог бы так объяснить, как этот равв?

– Ты принц, – сказала Элина и нежно поцеловала Дани в щеку.

– У Дани заколотилось сердце сильнее обычного и готово было вырваться наружу.

Элина устремила взгляд вдаль. Дани был счастлив. Он не переставал благодарить Б-ГА, глядя в небо.

– Меня пригласили на домашний концерт.

– Знаю. Помню.

– Можно?

– Нужно.

Они синхронно взяли свои мобильники в руки и стали набирать номера своих мам.

– В какой день? – одновременно спросили они друг у друга и засмеялись.

– В четверг? – также одновременно спросили они. И снова засмеялись.

– Спроси у своих, – сказал Дани, – может быть, у них планы.

– Мапочка, привет.

– Привет, дочка. Как дела? Ты ела? Там кормят? Он там?

– Да, рядом. Спрашивает, когда можно прийти на концерт Лёлика.

– В четверг. Ему там что-то дали разучить, он тщательно готовится. Просыпается раньше самого утра и начинает играть, озвучивая свои знания в нашей комнате.

– Молодец. Дед вряд ли слышит.

– Как ни странно, дед специально встает и слушает. Он радуется.

– Он назван в честь деда. Жизнь моя!

– Родители тоже придут?

– Не знаю, мам, – засмушалась Элина.

– Так спроси,

– Как, мам? Мне неудобно.

Дани, догадавшись, обратился к Элине:

– Мои тоже придут на концерт, если можно.

– Нужно, скажи ему. В четверг ждем их.

– Все, целую.

– Все равно, осторожна будь. Ну, ты поняла.

– Мама!

– Все. Хорошего вам отдыха.

– Шаббат шалом

– Шаббат шалом.

Пятница и суббота прошли в сказочной атмосфере. Элине все словно снилось. Она изменилась во всем.

Последующие лекции были на темы: «Как укрепиться в вере» и «Как наладить семейную жизнь». Некоторые цитаты Элина конспектировала. Дани больше времени проводил в номере за книгой. Только в свободное от лекций время они с Элиной выходили на прогулку. Она спрашивала у него некоторые вещи, которые не понимала. Дани отвечал ей на все интересующие ее вопросы. Он терпеливо выслушивал, в некоторых случаях улыбался. Элина понимала всё. То, что она не понимала умом, она понимала сердцем, в надежде, что со временем, на практике, поймет и умом. Из этого семинара Дани тоже взял с собой некоторый багаж знаний. Обрато они ехали вместе в автобусе плечом к плечу, периодически засыпая на плече друг друга. Сначала притворяясь, затем действительно. Дани рассказал любимой свое детство, с того самого времени, как он себя помнит, лет с трех-четырех. Элина слушала и представляла перед собой карту Даниной души. Иногда у нее захватывало дух. Иногда пробуждалась ревность, когда он рассказывал об Эмили. Или о том, как он влюблялся в начальных классах. Элина спрашивала о героях его стихов, которые она читала в его поэтическом сборнике. Дани поинтересовался, где она нашла книгу с его стихами, ведь их было совсем мало, у него самого даже не сохранилось. Да и было это давно, и их можно читать только для воспоминаний.

– Кстати, мой друг собирается роман написать, вернее уже пишет.

– Какой друг?

– Помнишь, смуглый такой, тоже в черной кипе.

– Тот, что на Пурим родился? Мордэхай?

– Он самый.

– Он что, пишет?

– Он?! Да ты что! Вот, его стихи лучше почитай.

– Мне твоих хватает.

– У него там красивые посвящения жене.

– Ты тоже будешь посвящать жене стихи?
– Моя жена будет сама моей поэзией, моей лирой и музой.

Элина положила голову на плечо Дани.

– А как роман называется?
– «Браки заключаются на небесах».
– Серьезно? Неужели о...
– Ужели.
– Чур, я первая читаю.
Это ты ему уже говори.
– А вот и скажу.

Дани нежно поцеловал Элину в золотую макушку и положил на нее голову.

Они проснулись в Димоне. Там пересели на поезд и напрямиком к себе.

В доме Элины начались приготовления. В этот четверг было куплено впятеро больше, чем в прошлую пятницу. Дед попросил, чтобы его отвезли в магазин для приобретения нового костюма. Лёлик всю игру на скрипке, топя в такт мелодии. Элина обновила косметику, приготовила пару нарядов. Брат Элины вымыл машину, его жена помогала свекрови по дому. Она вымыла полы во всех комнатах, пропылесосила ковры и мягкую мебель. Мать периодически кричала из кухни в салон Лёлику: «Не фальшивь!»

Мама Роза с Мирой, проснувшись вместе с солнцем, созвонились.

– Во сколько мне выходить?
– Будь у входа в ваш дом в девять, Паша подъедет, будет тебя ждать.
– После ночной?
– Ты же знаешь, что для Дани он в любом состоянии готов подсуетиться.
– Пусть поспит, позже выйдем.
– Во сколько? Пусть несколько часов поспит.

– Паш! Мама сказала, поспи, позже выедем, – слышался зов Миры. – Во сколько выедем?

– В двенадцать пусть ждет у входа.

– Услышала, в двенадцать.

– Тогда ты зайди, помоги мне немного.

– Чай пью и выхожу.

Наступил долгожданный вечер. Дверь в доме Элины открылась. Первым зашел Дани, затем Мира с подносом, полным всяких подарков для невесты. Следом зашел Паша с подносом, полным разных спиртных напитков. Мама с бабушкой зашли следом.

– Чтобы только на радостях к вам приходили, – начала бабушка.

Дед, услышав знакомый голос, вскочил со своего места и подошел к соседке-собеседнице.

– Добро пожаловать. Зай гизунд. Чтобы знали их радость.

– Омин! – ответила бабушка Дани.

Веня проводил гостей к столу.

– Мы есть не будем, мы тут посидим, на диване. Пусть молодые пообщаются, сказала мама Роза.

– Элина! – позвала мать дочку.

Элина вышла в салон. Бабушка зашептала на горском языке. Дед понимающе закивал. Дани, стоявший посреди салона, увидев Элину, засиял. Он не мог сдвинуться с места, об мороженый любимой.

– Проводи молодого человека в комнату.

– Куда?

– Дани, иди сюда, сынок, – обратилась Роза к сыну.

Она дрожащими руками вытащила из сумочки бриллиантовое кольцо и передала Дани:

– Давай, сынок, С Б-ГОМ.

Дани взял кольцо и подошел к Элине.

Сватовство

Элина стояла, не шелохнувшись. Дани развернулся и направился в сторону Вени.

– Можно спросить согласия вашей дочери?

– Можно, сынок.

Он приблизился к Элине.

– Согласна принять от меня это кольцо в знак того, чтобы выйти за меня замуж?

Элина кивнула и протянула руку Дани, растопырив пальцы. Дани надел кольцо.

Паша утирал слезы, мама Роза и Мира обнимались и целовались. Дед приобнял бабушку...

– Зай гизунд.

– Счастья им, – добавила бабушка.

Лёлик стоял со скрипкой в руках в одной руке и смычком в другой, и, хлопая глазками, с раскрытым ртом следил за происходящим, глядя на всех поочередно и на всех сразу одновременно.

Дани подошел к Лёлику и шепнул на ушко:

– Давай, братик, играй. Мы же пришли слушать тебя.

Лёлик прижал скрипку подбородком и заиграл мелодию из еврейских мелодий «Клезмера».

– Теперь-то можно? – спросил Веня. – Садитесь, пожалуйста. Может, позовете еще кого, тут столько наготовлено.

Гости засмеялись и подошли к столу. Пошли тосты. Паша, утирая слезы от счастья, тоже поцеловав шурина, произнес тост. Родители назначили дату обручения.

Провожая гостей, дед обратился к бабушке:

– Завтра на том же месте в тот же час?

– А что нам, старикам, остается делать? – вытирая края губ, ответила бабушка.

После обручения назначили дату свадьбы, которая состоялась в одном из лучших залов торжеств. Хупа находилась на небольшом водоеме, в котором покоились кувшинки. Жених с невестой спускались по ступенькам к дорожке, ведущей к хупе. Они остановились. Дани поднес руки к фате. Около трехсот пар глаз впились в эту красивейшую пару сезона. Вдруг Элина отодвинула Дани, чего-то остерегаясь. Сзади них, на столбах от поручней лестницы, что вела к хупе, стояли две вазы. Внезапно одна ваза разлетелась вдребезги. Отчего это произошло, никто не смог понять, и не придали этому значения. Под хупой стояли жених с невестой и родители виновников торжества. У Дани, мамы Розы и мамы Эллы, из радостных глаз текли слезы.

За столом жениха и невесты сидели Мордэхай с женой. Элина обратилась к Мордэхаяу:

– Ну, закончил свой роман?

– Сегодня закончу, С Б-ЖЬЕЙ ПОМОЩЬЮ. Увидишь в Фейсбуке.

– Нет! Я первая читаю.

– Хорошо. Сначала напишу тебе, что закончил, потом ты дашь ответ, что получила сообщение, и я опубликую.

– Договорились.

– Удачи.

– СПАСИБО.

– Свадьба закончилась почти под утро. Жениха с невестой ждала машина. Они сели на заднее сиденье.

– В Старый город, – обратился Дани к шоферу. Машина двинулась. Жених с невестой остановились в гостинице старого Иерусалима.

– Я скоро. Не скучай, туда и обратно.

– Куда, туда?

Совсем рядом. Жди.

– Естественно, жду. Я пока в душ.

Дани вышел из гостиницы и побежал в сторону Стены Плача. Людей было совсем мало, в основном парами шли полицейские. Дани стал оглядываться.

– Вы кого-то ищете, молодой человек? – Дани услышал знакомый голос.

Он посмотрел перед собой и увидел знакомое лицо в третий раз в своей жизни. Он вытащил вещицу, которую получил именно в этом месте и протянул человеку.

– Шма Исраэль, – послышалось со стороны Стены Плача. Дани обернулся и снова взглянул перед собой. Перед ним в радиусе ста метров никого не было.

Дани вернулся к молодой жене. Он сел в кресло и открыл середину книги, оставленную кем-то на журнальном столике. Ему бросилось в глаза:

БЛАГСЛОВЕН ВАШ Б-Г, ПОДБИРАЮЩИЙ И СОСТАВЛЯЮЩИЙ пары.

СТИХИ

Поэзия

Поэзия – она стара, как мир.
Мне кажется, Г-СПОДЬ – он сам пиит.
Ну кто еще такое сотворит,
Как не поэзии самой эмир?

Кто ощущая чувствами других?
Поймет, научит и в конце простит.
Если не он – чувствительный пиит,
Создавший в каждом образе свой стих.

Не каждым ли творением мирским:
Морями, небесами, цветом их...
Пиит в стопах рифмует каждый стих
И дышит, и блаженствует он им?

Поэзия – отрада из отрад!
Так пусть творит, творит, творит, творит!
Безумцев царь – чувствительный пиит!
Благослови Г-СПОДЬ его талант!

2007.

* * *

Пока стихи плывут из-под пера.
Пока стихи плывут из-под пера,
Я знаю, что душа моя жива.
Пока душа во мне еще жива,
Рука моя не выпустит пера.

2005.

Регине, жене,
когда она была еще невестой

Я люблю тебя очень
И любить буду больше.
С каждым мигом любовь возрастет,
Ведь и утром, и ночью
Насколько есть мощи,
Вся душа моя жаждет тебя и всё ждет.

Ты почувствуй её,
Ты прими её ближе.
И любовь моя к сердцу прильнет
твоему и твоё сердце жаром оближет
И любви моей страстной согреет огнем.

* * *

Хочу всю жизнь в твоих объятьях жить,
Пусть сердце мое бьет тебе в ребро.
Стань эликсиром для моей души
И осчастливь меня своим добром.

Не отнимай объятий от меня,
Прильни сильнее к распахнутой груди!
Пусть поцелуи сердца пьянят
Иди ко мне, любимая, иди!

* * *

Говоришь, что не веришь в слова о любви.
Ты не верь, но мой трепет скорее прими.
Ощути энергетику, волны её.
Этот миг никогда и ни с чем не сравним.

Я же буду молчать, лишь душою своей,
Буду сладко любить все сильнее и сильнее.
И когда ты любовь, наконец, ощутишь,
То поймешь, что не зря говорил я о ней.

* * *

Видя твои длинные ресницы,
У меня захватывает дух.
Из-под крыл высокогорной птицы.
Не могу и слова молвить вслух.

Ты своими черными крылами
Укрываешь, как дитя меня,
Видя это бархатное знамя,
Чувствую, как вдруг плывет земля.

Эта слабость для меня услада.
И желаю жизнь прожить свою,
Под тяжелым властвующим взглядом
И в плену ресниц, что так люблю.

Коль любится

Коль любиться, любите без остатка,
Любите кровью и душой, и телом.
Любите полноценно, коль вам сладко.
Любите не боясь, любите смело.

Ведь сколько времени нам ни дано,
Его нам мало будет, очень мало.
Покуда сердце биться не устало,
Любите не взирая ни на что.

Чтоб не терпели горечи разлуки,
Не отрывайте друг от друга руки.

2005.

Женушка

Женушка, любимая, ты знать должна,
Что ты моя, ты – я, поэтому пойми,
Твой каждый вздох и каждая слеза –
Они, как и твои, так и мои.

Твоя улыбка, смех твой, песнь твоя,
Весь трепет сердца и расцвет души –
Что есть в тебе, то чувствую и я,
Во мне волнуется, трепещет и бежит.

Так знай, что не останется твой вздох,
Улыбка, смех, горячая слеза,
Пока я не ослеп и не оглох,
Без резкого, глубокого следа.

* * *

Моей дорогой, любимой,
или же если так лучше,
Моей любимой, дорогой
жене Регине.

Мне тепло твое нужно, опора твоя
И советы твои, пусть и редко подходят.
И я очень хочу, чтоб глазами блестя,
Улыбалась всегда и при скверной погоде.

Чтоб не знала нужды, но сама бы могла
Помогать, попросившим тебя об услуге.
Чтобы вместе мы ткали, как нить и игла,
наше счастье, которое ищем друг в друге.

Если б знала, как плакало сердце мое,
Вспоминая о ссоре недавней, никчемной.
Мы должны прогонять эти ссоры вдвоем,
И схватившись за руки лететь по вселенной.

Наслаждаться единством, Что Б-г Подарил,
Упиваться теплом, добротой, любовью.
Любоваться красою небесных светил,
Жить детьми, подавая пример им собою.

Больно мне, когда грусть посещает тебя.
Страшно мне, когда ты, дорогая тоскуешь.
И, Лишь Б-га молю, чтоб союз наш храня,
Нам Восполнил все то, что сегодня пустует.

Чтоб не думала ты, что напрасен наш брак.
Этой мыслью, губя мое хрупкое сердце.
А напротив, что все испытанья – пустяк,
А любовь наша с каждым мгновением крепче.

Чтоб доверилась мне всей собою навек,
И меня бы сполна всей собою принять.
Ведь почти необъятен собой человек,
Много в нем, что хотелось бы больше желать.

Не грусти, моя жизнь, не тоскуй никогда.
Будь со мной откровенней, открытее, ближе.
Ты же, что ни наесть мне родная жена.
Чье же сердце тебя так же сможет услышать?

Поэтом быть...

Поэтом быть – то чувством обладать,
Но чувством не простым, а утонченным.
И это чувство в образы слагать,
Словно вино в бокале золоченном.

ТОРА

О ТОРА! О ЦАРИЦА ВСЕХ ЦАРИЦ!
ТЫ ОСВЕЩАЕШЬ ПУТЬ
К СЧАСТЛИВОЙ ЖИЗНИ!
И КАЖДЫЙ, ПРЕД ТОБОЙ УПАВШИЙ НИЦ,
ИДУЩИЙ ПО ПУТИ, ЧТО ДАЛ ВСЕВЫШНИЙ,
ДА БУДЕТ СВЯТ! ДА БУДЕТ ЧИСТ ВСЕГДА!
ДА БУДЕТ СМЕЛ, ПОКОЕН БУДЕТ СЕРДЦЕМ!
ДА ОБОЙДЕТ РЕВНИТЕЛЯ БЕДА!
СЕМЬЮ ЕГО – ОТ СТАРЦА ДО МЛАДЕНЦА!

2008

СЫН

Я обрел плоть от плоти своей.
Сердце сердца обрел своего.
Стал счастливее всех из людей.
Благодарствую, Б-г, за него!

Прижимая к своей груди,
Я неведанным чувством живу,
И на все я готовый идти
Ради счастья дитю своему.

Буду жить для тебя я, мой сын,
Исчерпаю себя для тебя.
Никогда ты не будешь один,
Мы с тобою одна ведь семья.

ЭМОЦИИ

Мне снова нужны эмоции.
Мне снова нужны эмоции.
Мне снова нужны порывы!
Мне чем то, но сверх пропорции,
До корня раскрыть нарывы.

Тоска, изрыгаясь, пусть льется,
Пусть кровью идет, если надо.
Душа пусть безумно несется,
Пока не найдет отраду.

Отрада в слезах или в смехе,
В стихах или музыке будет.
Пусть в детской наивной потехе.
Пусть только меня разбудит!

Хочу узнать...

Хочу узнать в тебе, что ты в себе не знаешь.
Хочу раскрыть нетронутые фибры.
Все, чем любишься, все то, о чем мечтаешь.
Что для тебя серьезно, а что игры

Мне взглядом хочется почувствовать твой взгляд.
Что он таит в бездонной глубине?
Хочу вдохнуть твой тонкий аромат.
Быть может сердце опьянит он мне.

Еще хочу, чтоб мы с тобою сами
Разрушили гнетущие преграды,
Сплетенные из недопониманий,
Лишающие молодых отрады.

Когда желание мое осуществится,
Тогда в душе моей покой и воцарится.

2005.

Благодарю Всевышнего

Благодарю ВСВЫШНЕГО за разум.
За чувства тонкие признателен Ему.
За то, что вспомню –
и счастливый сразу.
За все – непостижимое уму...

Дружба

Мне службу дружбы хочется узнать:
Что в ней содержится, что ждать мне от неё?
Она ли враг, она ли словно мать
Обережёт, иль прямо в душу пнёт?!

Но с детских пор я цену дружбе знал,
Она будила нежность в фибрах мне.
Но день пришёл, и под ребром кинжал,
И я ловлю от дружбы град камней.

Но Слава Богу! Гибок духом я,
Предательству вовек не хватит сил
Сломать мой дух. Так слушайте, друзья!
Камнями вашими я водку закусил!

Я с вами буду пить и вашу чернь
Размою чистой, огненной водой.
И лира, как душистая сирень,
Пробудит нежность в вас, как той порой.

Во мне вы мою нежность пробуждали,
Тогда предательство спало в вас крепким сном...
Ведь вы не ведали для вас нележкой дали,
И подлость не стучалась в мирный дом.

Так чем же служит дружба, кто ответит?
И сколько лет ей преданной нам быть?
Кому же верить на большой планете,
Чтобы с камнями водку не глушить?

Не хочется лишаться старой дружбы,
Хочу и новую возвысить, как звезду!
Поэтому вновь окажи мне службу,
С кинжалом под ребром тебя я жду!

Я Б-га восхваляю многократно!

Прочел дарованную Б-гом тору.
Познал законы, принцип бытия.
И очень много вдруг открылось взору.
И стал я корректировать себя.

И чувствую я с самого начала,
Как отдаваясь очищению души,
Ко мне любезней относиться стала
Моя нелегкая доселе жизнь.

Казалось раньше: невозможно это,
Все догмы я оставлю на потом...
Но вот, решился и умылся светом,
Дарованным Все-терпящим Творцом!

И что не шаг – Г-СПОДЬ мне дарит благо,
Вселяет веру в доброту Свою.
Душа моя ликует, ибо рада,
Что счастье близится, и ангелы поют.

Я Б-га восхваляю многократно!
Я воспеваю доброту Его!
Ему теперь я предан безвозвратно!
Ведь нет Могущественней никого!

Кто чем

Кто в музыке себя найдя, лелеет душу ею,
Кто, кисть уверенно держа,
 ликует дивным ликом...
А я, поэзией дыша, блаженствую хмелея,
И чувствую себя порой то Рубенсом, то Глинкой.

Смычком и кистью
 будет мне перо служить покорно;
Вот звуком сочно-сладостным
 ложатся строчки ровень,
И струны трепетной души,
 слегка аккордом тронув,
Изобразу я лиры лик горячей краской-кровью.
Я просьбу посылаю в небо.

Печаль

Печалиться... но есть ли смысл в печали?
Когда бывают наши дни пусты.
Не лучше, если б мы с улыбкой ждали,
Пока в душе вновь зацветут цветы.

Печалясь, не манить все больше грусти,
Напротив – отгоняя мысли прочь,
Дождаться утра. Утро радость впустит,
А остальное пусть поглотит ночь.

Нет, нету смысла в тягостной печали.
Она съедает веру до конца.
В сердца врезается тупой и ржавой сталью.
Когда улыбка радует сердца.

Просьба в Небо

Я посылаю просьбу в небо,
Чтоб муза снизошла ко мне.
И с нетерпением жду ответа.
Сейчас уж ночь, мне мало света,
Но думать не могу о сне.

Хочу услышать музыки струны
И под мелодию ее,
Душою воспарить безумно,
Кружиться в вальсе злато-лунном,
С смуглянкой-ноченькой вдвоем.

Хочу услышать музыки звуки,
Хочу поэзией дышать.
Без них я задыхаюсь в муке.
Покуда с ними я в разлуке,
Не жить мне – лишь существовать.

Я знаю, слышит все Всевышний!
Ведь он мне жизнь мою дарил!
И вот мне в ухо муза дышит,
Моя рука все пишет, пишет...
Значит, не зря Г-сподь меня
Поэтом быть Благословил!

Она бежала...

Она бежала. От кого, не зная сама,
От детей, от себя, от истины жизни нелегкой.
Теперь всё равно, она съезжает с ума,
Машина её увозит от участи горькой.

Всю жизнь опираясь
На силы, упрямость свою,
Пыталась наладить судьбу,
Уходя от своей.
И теперь, когда гимны победам поют,
Не хотят соглашаться
С наставницей мудрой своей.

В чем же я не права?
Где и что, и когда упустила?
Я ж на благо для всех
Кровью, потом всего добивалась.
Сколько времени! Сколько
Женской немереной силы!
Я потратила, с чем же сама я сегодня осталась?

Всё! Я им не нужна,
Я им стала совсем бесполезной!
Будь что будет! Я две жизни уже прожила!
И ее унесло в этой быстрой
Коробке железной!
И в тумане тяжелом тонула ее голова...

Вот и город, вот синее-синее море.
И она окунулась в объятия
Безбрежной вселенной.

Звезды яркие. И она на песчаном просторе.
Стынет мозг. Голова опускается ленно.

Скоро утро. Разольется лучами солнце.
И она, оставляя мыслей, гнетущих муть,
Встрепадется, чтобы вновь, как всегда,
побороться,

С этой Истиной жизни!
И отправится снова в путь!

Как уберечь себя

Как уберечь себя...
Как уберечь себя
От самого себя,
Чтоб не сгрешить
И не погрязнуть в скверне?
Скажу вам, милые,
любимые друзья!
Всегда, везде В НЕГО
должны мы верить!

И, если будем
верить мы В НЕГО.
Во всем узреем
мы Его частицу.
Тогда не согрешим
мы ни за что.
И окружим себя
ЕГО границей.

Давайте вспомним те былые времена

Давайте вспомним те былые времена:
невинные, безоблачные годы,
Где беззаботно молодость плыла,
И девственной еще была природа.

Вы помните сирени аромат?
Весеннее цветенье абрикосов?
Тяжелый на навесах виноград.
И эти чайные Б-жественные розы.

Река за городом и с нею водопад.
Дым шашлыков и полосатые арбузы.
А помните маёвки и парад?
Детьми не знали нынешней обузы.

Обиды на родителей своих.
За что, давно уже забыли сами.
Но глубочайшая тоска в душе без них,
Когда нас с бабушками оставляли.

Ой, слезы, слезы на моих глазах.
Где детство беззаботное мое?
Хочу к тебе я в этот взрослый час.
А вы хотите в позабытое своё?..

Песня

Пусть льется музыка в такт дроби барабанной!
Пусть гонит кровь как мартовский ручей!
Танцуйте, веселитесь, беспрестанно!
Танцуйте, милые, танцуйте веселей!

Джигиты, приглашайте дам на танец!
И пусть они лебедушкой плывут!
Пусть щечки запылают у красавиц!
Вас дробы барабанные зовут!

Мать, полюбуйся дочерью своею!
Отец, взгляни на сына своего!
О, как как их щечки мило розовеют!
В них кровь играет пенистым вином!

Так пусть же льется музыка все звонче!
И кровь пусть гонит мартовским ручьем!
И пусть алмазами сверкают очи!
Давайте ж танцевать уже начнем!

Научите меня молчать

Научите меня молчать.
Пусть то будет порой неуместно.
Научите в лицо не смотреть,
Чтобы не быть излишне мне лестным.
Научите меня терпеть,
Быть смиренным и быть благодарным.
Научите меня так же петь.
Спеть ВСЕВШНЕМУ песню Славы.
Научите меня говорить, сердцем к сердцу.
И чтоб глубоко.
Научите в сердца вам смотреть,
Чтобы их возносить высоко.
Научите меня бежать
От нечистых нечистого мыслей.
И все заповеди соблюдать,
Научи же меня ВСЕВЫШНИЙ!

Гимн матери

Мамуля, тебе посвящаю, родная сей гимн.
И в твоём распрекрасном лице,
Я всех матерей на Земле воспеваю,
На трон возвышаю вас в сердца дворце!

Детей бережешь ты от самой утробы,
Нас грудью вскормила, та грудь над душой.
И нету главнее для мамы заботы,
Заботы о чаде, труд самый большой.

Ни ум, ни догадка – инстинкт материнский,
В дите распознает секреты его.
Опасности, радости шаг самый близкий
Предчувствует сердце, мамуля твоё.

И где же, О Б-же! Вы силы берете?!
Где рыцаря смелость черпаете вы?!
Из вод, из огней, где бессильна и рота
Спасаете чад?! Это ль сила любви?!

Родная, пою я, и очи сыновни
Слезами полны, к горлу катится ком.
Ты ж знай, нет сильнее сыновней любви
И трепетней я не спою ни о ком!

Мамуля, тебе посвятил, дорогая,
Сей гимн и в твоём распрекрасном лице.
Я всех матерей на Земле воспеваю,
На трон вас возвысил, что в сердца дворце.

Мама, не горюй о младшем сыне

Мама, не горюй о младшем сыне.
Каждому приходит свой черед.
Что творится в этом бренном мире,
Никогда никто не разберет.

Кто, как ты поймет его тревоги
И узнает сердца его боль.
Но на то, как видно Воля Б-га.
Значит, ты, покорно ждать изволь.

И придет, придет, поверь родная,
Счастье долгожданное тобой,
И тогда ты с радостью узнаешь,
Что не зря все ждал сынуля твой.

Мама, потерпи еще немного,
Не горюй, всему придет черёд.
Нужно помолиться вместе Б-гу.
Он молитвы наши свыше ждет.

2007

Гармония

Я увидел, как небо целуется с морем,
Синевою вливаясь в лазурную гладь.
И на этом Б-жественном райском просторе,
Расстелилась душа, ощутив благодать.

Я влюбился в любовь необъятных пространств.
Упивался гармонией водных стихий.
Красота красоты, королева прикрас,
Родила бирюзовые эти стихи.

Маме на юбилей

Мама, родная, любимая!
Хозяйка души беспокойной.
Будь больше и дольше счастливой!
И всеми и всем будь довольной!

Прошла ты, прошла ты, родная,
Немалые трудности, муки.
Малейшего не забывая,
Всем всегда подавала руку.

Те ж в ответ – столько слез вызывали,
Но никто, чтоб не видел вокруг,
Ты страданья в себе погребала,
Сердца лишь, учащался стук.

И одно тебя тешило в жизни,
И одна лишь отрада была –
Твои дети, зов их капризный,
Как улыбка тебе их мила.

Но теперь мы уже повзрослели
И наш самый большущий каприз –
Чтоб глаза твои счастьем горели
И не падал их взгляд больше вниз.

Веселись, отдыхай, наслаждайся.
Пожинай сладкий плод горьких лет.
С каждым днем, добрым днем убеждайся,
Что в глазах твоих ярче стал свет!

Пробуждение чувств

Я думал, что чувства уж крепко уснули,
И их пробудить сможет только весна.
И вот, супротив моей тягостной думе,
Те чувства, трепеща, отходят от сна:

В январскую ночь я иду вдоль залива
И ветер куражась, швыряет песок.
То мощною жменю швырнет его в спину,
То пылью запустит мне прямо в лицо.

И вот я ругая бесстыдника-ветра,
На запад случайно свой взор устремил.
И вижу: в объятьях фонарного света,
Блистая, волнуется аквамарин.

О Б-же! Какое очарованье!
О, как эта прелесть собою пленит –
То море манит, всё сапфиром играя,
И тянет неистово, словно магнит!

Все ближе и ближе, к воде приближаюсь
И руку дрожащую к волнам тяну,
А волны мне руку тепло лобызают,
И чувства уже не вернуться ко сну.

Любовью вволю я упьюсь

Любовью вволю я упьюсь
И пропитаюсь ею я.
Быть может завтра снова грусть
Вползет, как скользкая змея.

Побег Эсмиральды

Первый раз Эсмиральда бежала давно.
От жизни той взрослой, в ту юность беспечную.
Взгляды, мнения, нравы ... – на всех все равно...
Она знала давно – ведь с ним не навечно я...

Ведь решила она, а значит так будет.
Как и было всегда, как и будет всегда.
Но не знала совсем, что, вот, время наступит,
И она убежит, но совсем в никуда.

Преподаст ей урок её плод рукотворный.
Он покажет, что жизнь – есть не женский каприз...
Что и дети как мать, могут точно и ровно,
Так же твердо решать... Да, вот это сюрприз!

Да, но это потом, но тогда Эсмиральда,
Оторвавшись с корнями, бежала туда,
Там, где дышат легко, где свобода – отрада...
Где ее ожидает вторая судьба...

Деревце пустыни

Молодое деревце, нежное, зеленое.
Что же ты противишься, ветру в ночку знойную.

Ты живешь в пустыне желтой, голой, знойной.
Ветерочек нежный утоляет жар твой.

Не противься ветру и не уклоняйся
Лучше, как детишки ты с ним поиграйся

Девятая заповедь

Не отзывайся о ближнем твоём
свидетельством ложным.

Девятая заповедь.

Свою догадку обращая в клевету,
Ты оклеветанного ранишь прямо в душу.
И сам подвергнешься Небесному суду,
Одну из заповедей, данных нам, нарушив.

Язык болтливый лишний раз попридержи,
Не выпускай свое злословие наружу.
Тогда не тронешь человеческой души
И этим самым ты спасешь свою же душу.

Вера

Я верю до конца и без конца!
Ему, в Него, всегда я верю свято!
Царю царей, в Всесильного Творца!!
И пусть в отчаянии был когда-то,
Ругая жизнь нелегкую в сердцах,
Теперь я счастье получаю, как награду!

Молитва Вере – старшая сестра.
И с ними, если в жизнь свою вступаешь,
Дождешься ты безмерного добра,
Получишь сверх отмеренного пая.
Лишь, только верь с утра и до утра.
Молись всегда, на тягость не взирая.

Сентябрь

Вот и осень я встречаю мирно.
Тихо, без каких-либо волнений.
Но по чувствам я скучаю сильно,
Долго я уже без вдохновений.

Коль весной я не упился чувством,
Хоть мы с мартом братья – близнецы,
Ты, сентябрь, осыпь меня безумством,
Пусть в душе вновь запоют скворцы.

Ты, сын мудрой осени во злате,
Ты можешь щедро чувством одарить.
Но не только грустью ты богатый –
Музыкой ты можешь опьянить.

И музыкой ты можешь опьянить,
И к танцу приглашая наши души,
Вшивая в них любви прекрасной нить,
Заставишь души с упоением слушать.

И души с упоением будут слушать.
И нитью сшитые любви прекрасной,
Во злате матери твоей закружат,
Под музыку сентябрьского вальса.

Так опьяни же музыкой прекрасной!
И пригласи на танец мою душу!
Я закружусь под златом в твоём вальсе!
И с упоением буду тебя слушать!

Фрагмент блаженства

Не важно, где я прибываю,
Не важно так же, чем займусь.
Но я уж знаю, точно знаю,
Что скуку с грустью отгоняя,
В фрагмент блаженства окунусь.

Везде найду себе отраду
В пространстве мыслей и мечты,
В природе я найду усладу,
Где птиц свирель, что серенада,
И поле, где цветут цветы.

Теперь я на военных сборах,
Где прибываю каждый год.
Чтоб на страны моей просторах,
Что жаждут вражеские взоры
Спал мирно мой родной народ.

Не очень нам приятна форма,
Не очень легкий камуфляж
И место тоже не знакомо,
Но выполнить нам нужно норму,
Но в чем же тут найти нам блажь?

Мы выехали на рассвете,
Встречая утренний туман,
Который свежий юный ветер
С холмов, сопящих словно дети,
Как простынь белую срывал.

Остановились мы в колхозе,
Он от границы в двух шагах.
Граница наша под угрозой,
Затем сюда нас и привозят
И местных жизнь в наших руках.

Колхоз тот в зелень окунулся,
Расположившись на холме,
Кто с местной жизнью тут столкнулся,
Тому покой и улыбнулся.
Вы здесь как будто в добром сне.

Вдыхая воздух свежий, чистый,
Раскинувшийся на траве,
В тени под деревом ветвистым
Кудрявом и широколистным,
Мы ощутили блажь в себе.

И не тревожила нас дума
О том, что враг вблизи от нас.
И что в любой момент, угрюмо
Из рации в сквозь рои шума
К нам обратится томный глас.

Здесь мамы с чадами своими
За руки взявшись мирно шли,
А мы же взглядом вслед за ними,
Пока те нами были зримы,
С улыбкой нежной провели.

Я вмиг уплыл в воспоминанье,
Когда ведомый точно так,
Немного сонный, утром ранним,
Чрез парк под птичье кукованье,
Я направлялся в детский сад.

Какое чудное волненье!
В нирвану устремился аж!
Природой чудной восхищенье,
Мечтой и мыслью упоенье.
Вот это миг! Вот, это блажь!

Мне тоже так хочется, хочется петь...

Мне тоже так хочется, хочется петь.
Излить свои чувства и мысли о них.
И радость свою, и томящую мредь
Пока трепет сердца еще не утих.

Я слышал, что раньше лечили болезнь,
Пуская из плоти излишнюю кровь,
Но я, свою кровь, обратить хочу в песнь,
И спев ее раз, хочу петь ее вновь.

А петь Слава Б-гу, мне будет о чем.
О сколько не спето еще до сих пор!
Порой моя песнь будет резать мечом,
И многим она прозвучит, как укор.

Но больше, люблю своей песней лечить.
И раны в сердцах, и ранимые души.
Тогда отправляю я в ножны мечи,
А песня эфиром весенним закружит.

Мне тоже так хочется, хочется петь.
Излить свои чувства и мысли о них.
Я пел и пою, и петь буду впредь.
Пока трепет сердца еще не утих.

Ветерок

Вольнолюбивый ветерок,
Прошу, возьми меня с собой.
Не важно мне, на запад, на восток,
Лишь бы на время обрести покой.

Я так устал от всех этих проблем,
От общества, что с каждым днем звереет.
Ты унеси меня, надеждой вея,
Из этих ложью выпачканных стен.

Ты унеси меня, вернёшь попозже,
Дай мне возможность силы накопить.
Мне силы духа, друг мой, нет дороже,
Прошу, дай мне его восстановить.

Вольность

Освободившись от оков сомнения,
Причиной коей было расставание,
В душе возникли новые стремления,
И утро свежее мне стало упованием.

И новые надежды появились,
Уверенней нога стала ступать.
Желания мгновенно прояснились
И дней грядущих легче стало ждать.

И мысль свободна и душа покойна,
Я ощутил себя сегодня вольным.

Недопетые песни

Недопетые песни свои,
Я еще многократно спою.
Их, не спетых в минуты зари,
Я спою, встретив зрелость свою.

Недопетые мысли свои,
Философскую думу свою,
Я как яркого солнца лучи,
До сердец и умов донесу.

Я спою о мечтах, о любви,
Свежих красок добавив в струю.
Недопетые песни свои
Допою, встретив зрелость свою.

Эмоция

Обратить бы эмоцию в песню,
Направляя лучом ее пыл.
И не будет на сердце так тесно,
И другим станет образ ваш мил.

Овладеть бы бурлением крови,
Чтобы сладким струилась ручьём.
И не будет в душе больше боли -
Будет песней ваш дух увлечен.

Слить эмоции в общие воды,
Пусть прекраснейшей музыкой чувств,
Самой яркой из лучших рапсодий
Заиграет на лирах безумств!

Ангелине

Всмотреться, вслушаться в тебя –
Познать любовь и трепет грусти.
Сердца людей с ума сведя,
Ты с легкостью их не отпустишь.

Ты – зайчик нежный, дикий зверь.
Ты – солнца луч и холод вьюги.
К тебе, пусть верь или не верь,
Но тянутся людские руки.

Чтобы обнять, прильнуть сильнее
И плакать, и смеяться вместе.
Под властью ласк твоих сетей
Уйти, умчаться в поднебесье!

Привычка или любовь?

Что сильнее – привычка или любовь,
Что сильнее пленит необъятные души?
Что толкает на то, чтобы видеться вновь,
Что же все-таки легче в нас можно разрушить?

Не любовь ли сама в нас привычку рождает,
Иль привычка вливается плавно в любовь?
Но любовь лишь одна, что осталось от рая,
А привычка в раю...? Вот я думаю вновь...

Люди вместе живут, привыкая друг к другу,
И отрадно им вместе бывать, как одно.
И супруг говорит, что он любит супругу,
Та в ответ: – я привыкла, уже все равно.

Но откуда измены друг другу берутся,
Что толкает людей на презренный сей путь –
В омут скверны, порока и лжи окунуться,
В чем же, кто мне ответит, есть суть?

Не всегда есть в привычке гармония счастья.
Та гармония, что нам рождает любовь,
Лишь она обладает огромною властью,
И любовь обрета, мы хотим её вновь.

Г-СПОДЬ, молю, Дай для души мне ветра

Г-СПОДЬ, молю, Дай для души мне ветра,
Чтоб жизнь моя болотом не стояла,
Чтобы быстрее пролетал я метры,
В которых нет ни старта, ни причала.

Дай ветра, чтобы был он ураганом,
Сносил с пути и лень, и пыль сомнений.
Пусть душу он несет бесперестанно,
Иначе здесь бессилен даже гений.

Да что нам гений, пред Тобой, Всесильный!
Коль наше счастье вдалеке ты держишь,
И нам к нему плестись, погрязнув в тине,
И все искать, но где же счастье, где же...

Но если ветра дашь мне, О Всесильный,
Чтоб ястребом я, к счастью, устремился,
Не буду отдыхать и взглядывать на вина,
Лишь буду в мыле я нестись, как кобылица!

Спор

Поспорили Надменность с Простотой,
Кого на свете больше уважают.
И вдруг одна из них кричит: «Постой!
Пойдем-ка к логике, она-то лучше знает!».

Вторая согласилась с ней вполне –
Ответив, – Логика всегда права.
Давай немедленно направимся мы к ней,
Пусть нас и убедят её слова.

И вот соперницы к судье своей явились,
И объяснили Логике свой спор.
И, как же, бедные сестрицы удивились,
Когда судья их им дала отпор.

Она ответила: «Я вам не угожу,
И вы меня уж, милые, простите –
Ведь я же с женщинами не дружу,
Но вы у Справедливости спросите».

Соперницы вошли в недоумение –
«И это Логика нам говорит!»
Надменность, та вообще вошла в смятение –
«Что ж о себе она такого мнит!»

Но Простота ответила спокойно:
«Придется к Справедливости идти.
Она рассудит нас определенно,
Уж очень нужно нам её найти».

Надменность тут совсем заполыхала:
«Ты что, наивная, ты что несешь?»

Когда ты справедливость ту видала?
Её и днем с огнем ты не найдешь!»

Соперница в ответ: «Ты не волнуйся,
И остуди ты свой свинцовый нрав,
И как индюк на Логику, не дуйся.
Идем же и узнаем, кто тут прав.

А я-то знаю, Справедливость где искать.
Она ведь рядом с Истиной живет.
О них давно уж стали забывать,
Но в наше время мир их очень ждет».

Надменность же как заорет на простоту:
«Ты что! Куда, куда тебя несет!
Что, истина живет здесь, за версту,
Иль мы с тобой имеем самолет?!

Нет, не согласна я взбираться к ней!
И все равно, я докажу тебе,
Что для людей я все равно важней.
Да, да, я им всегда нужна, везде!

Когда мой вид лицо приобретает,
К нему придраться люди не стремятся.
Пылинка-то и та не прилипает,
Не то чтоб кто-то смог поиздеваться.

Меня приобретают короли,
Поэты, королевы красоты,
Актеры многие меня приобрели,
Все те, чей быт не терпит простоты».

«Да-да!» – Ей отвечает Простота.
«С тобою те же люди смерть нашли.
Со мною же в союзе Красота,
Со мною многие и счастье обрели.

Но император, обретя тебя,
С позором с поля боя убежал,
Поэт с тобой, язык свой не щадя,
От пули оскорбленного упал.

Красавица, надменность обретя,
Лишалась чистой искренней любви.
И без любви своей с ума сойдя,
Заканчивала рано дни свои...»

«А ты чем лучше?!» – Вскрикнула надменность -
«Ты скольких превратила в куртизанок!
А сколько душ ты обратила в бедность!
О, сколько, бедная, ты получала палок!»

И так они ругались до тех пор,
Пока, спокойной поступью ступая,
К соперницам, услышав страшный ор,
Спустилась справедливость, бед не зная.

Вся пышная, спокойная как лень,
В ней чувствовалась сила неземная.
К ним подошла спокойно, словно тень,
Тем самым страх соперницам внушая.

Соперницы увидев её, вмиг
Умолкли, будто призрак увидали,

И громогласный спор их вдруг утих.
Они, бедняжки, аж затрепетали.

«Ну что, красавицы»,
– и м молвит Справедливость.
«Что, милые, вы так затрепетали?
Я так страшна, скажите мне на милость,
Иль меня, старую, уже давно не ждали?

Но знайте, что везде бываю я,
И никого я без себя не оставляю,
Ведь слова «поздно» нету у меня,
Так, что везде, всегда я успеваю.

И к вам, соперницам, пришла я неспроста-
Вы обе свои рамки перешли.
Но вас, я, милые, поставлю на места,
Чтобы спокойнее себя вели.

Запомните и помните всегда:
«Никто на свете вас не уважает!
Использовать на время – это да!
И лишь безумцы вами обладают!

Не те безумцы, коим песни мы поем,
Нет, Храбрости вы вовсе не нужны.
Но в тех, в ком маленький мирок лишь узнаем,
А не безбрежность человеческой души.

Но вы – то есть, и никуда не деться.
Так мир пришел, и так проходит он.
Вы можете в сердцах людских погреться,
Но не греметь, как первомайский гром».

Две

В одной не растрочена страсть.
Другая же ласки полна.
Той взять бы меня да украсть,
А эта смирена всегда.

Та львица, в ней хищницы прыть,
А в этой тепло доброты.
Во мне той героя б раскрыть,
А этой младенца черты.

Но женщины – обе они.
Им женская доля дана.
И как ты на них ни смотри,
Любви лишь им нужно сполна.

Любви, многогранной любви,
Как может мужчина любить.
Поёшь ли ты, как соловьи
Иль можешь в фанфары трубить;

Срываешься ль, как ураган,
Иль нежным лучишься лучом.
Пусть только лишь ею ты пьян,
Иль будешь другою влеком.

Ты только её позови
И к ней всем собою прильни.
Напомни о сладкой любви.
Сейчас. Чтобы были одни.

Войти дважды в ту же реку

Какою быстрой ни была б река,
В нее войти два раза все же можно.
Вода в ней обратится в облака,
Затем дождем вернувшись свысока,
Собою напоит ту реку все же.

И солнце светит вечно без измен,
И на Земле клочка не пропуская,
Согреет все, всегда даст утро, всем
И как бы ни был этот мир ни брэнн,
Весна нам принесет фрагмент из рая.

Пусть ночью мы не в утренней реке,
Но утро наступает ежедневно.
Пройдет зима и летом налегке,
Приятно освежаясь в ветерке,
Вернемся в ту же реку, несомненно.

Веки тяжелеют...

Веки тяжелеют,
Сладко на душе,
Словно выпил хмеля
До краев фужер.

От чего же это –
От словесных чар?
Унесло поэта,
Как воздушный шар?

Любви хотите?

Любви хотите, вы любви хотите?
Тогда любите, слышите, любите!
Не закрывайтесь от влекомых чувств.
И не ищите для себя укрытий,
Но ощутите сладострастья вкус
И трепет, доводящий до безумств.

Бойтесь вы, чего же вы боитесь?
Смелее! За любовь свою боритесь!
Как если бы за жизнь свою боролись.
Как с тигром в свое время бился витязь,
Так с робостью вы бейтесь и с неволей!
Тогда познаете и счастье любви.

Улыбнись!

Улыбнись! Широко! Засмейся!
Чтобы все засмеялось вокруг.
Зазвучало веселой песней
Среди добрых друзей и подруг.

Закружись вихрем быстрого танца!
Выше голову! Плечи назад!
Обезумь в сногшибающем трансе!
И пусть другом тебе станет враг!

Улыбнись широко вселенной.
И она тебе радость вернет.
Смехом смех позови. Несомненно,
Ты увидишь, веселя свод!
Улыбнись! Широко! Засмейся!

Художнице Эльмире

Вы не задумывайтесь,
Нет, не надо.
Возьмите кисть и
На волне мечты
Пишите смело,
Разнеся преграды,
Не всё же в жизни –
Яркие цветы.

Кто любит нежно,
Ласково, небесно.
А кто как плугом
Бороздит сердца.
Но, чтобы не было
В душе и сердце тесно.
Пишите, дорогая без конца.

Осознание

Хочу раскинуть мысли я
И разложить по полкам,
Чтоб не было сомнения
И делать мог все с толком.

Теперь я понял: суета –
Одно лишь искушение,
Нужна нам мыслей чистота
И чуточку терпения.

Сонет

О, женщина, всегда ты будешь юной!
Не будет время властно над тобой!
И, лишь, созрев до теплого июня,
Нас вдохновишь и летом, и зимой!

Пусть будешь матерью или женою,
К тебе лишь чувства нежные всегда.
Мужчина трепет пред тобой не скроет.
Ему ты – путеводная звезда.

И коль еще с времен Адама с Евой,
Мужчина шел по следу твоему.
К тебе всегда стремясь без переменно.

Он вопреки закону брел во тьму –
То и теперь, прекрасное создание,
Тобою жить – его одно призванье!

Оноре де Бальзак

Как гении любые всех времен
Преследовались злыми языками,
Твой гений был злословьем осквернен,
Плебеями пера из ржавой стали.

Им зависть затмевала скудный ум,
Поэтому чернить тебя желали,
Но ты, титан, хозяин славных дум,
Сумел достичь неизмеримой дали!

Твое усердие, терпение твоё,
Питали дух служителя народу!
Перо не выпускал ты день за днём
И обрела твоя душа свободу!

Свои иллюзии утратив наконец,
Которыми снедаемы поэты.
Из реализма сплел себе венец.
Поэтом оставаясь, но *in petto*.

Единственная революция была,
Которую веками возвышают,
Её создал писатель де Бальса
Преодолев все в жизни испытанья.

Ты к шпаге Бонапарта прикрепил
Записку с своим дерзким обещаньем.
И не жалея времени и сил,
Ты утолил с лихвой свое желанье.

Ты покори́л весь мир своим пером,
Что император острым клином шпаги,
Хотя всегда с умом шел напролом,
Не сотворил, ни силой, ни отвагой.

О Оноре! Великий де Бальзак!
Ревнитель нравственности, правды жизни!
Творивший из чернил души бальзам,
Благословит твой чистый дух Всевышний!

2007

Любовь

Любовь, любовь, любовь! –
Она ли смысл сей жизни,
Что сердцу причиняет боль
И юность делает капризной.
Она ли силой обладает,
Она ли силы придает.
С ней в сердце рыцарь
В бой вступает,
А сердце милой отдает.
Она ль империи крушила,
Она ли и врагов мирила
И в душу к каждому войдя,
Порядок свой установила.
Что благо в ней, а что порок.
Как различить в ней то и это,
Но это знает только Б-г
И больше не найти ответа.
И остается лишь одно:
Любить, любить, любить без края,
Коль тяжело, так пей вино,
И пусть другим огнем оно
В твоих сосудах запыхает.

Детство

Воспоминанья навевают негу.
То время детства – сладостную грусть.
Теплее солнце было. Ярче снег был
И многое не понимали пусть.

Без хитростей, без капельки коварства;
С открытым сердцем и нагой душой.
Нам святы были все законы братства.
О нем мы пели песнь на перебой.

Мир детства, когда ночи до рассвета
Мы проводили, не смыкая глаз.
Костры горели, искры веял ветер.
Густой и сладкий дым дурманил нас.

Нам первая любовь казалась сказкой
И первый поцелуй так опьянял,
И с трепетом мы отдавались ласкам
И праздником нам был наш школьный бал.

Запечатлеть бы все на киноплёнку,
Чтоб уходить на много лет назад,
Где детский смех резвился сладко, звонко,
Когда болтали что-то не впопад.

Чайки

Чайки смеялись в небе;
Кружась, друг за другом порхали.
Вот так закружить и мне бы.
И не было бы печали.

Кружить я хочу не в небе,
Здесь, на Земле-небо птицам.
За милой побегать мне бы,
В цветах луговых раствориться.

Эльмире 2

Вы в своей жизни ничего не упустили.
Вы взяли всё что, было вам дано.
Теперь же вы живёте в своем стиле.
И — это тоже Небом Суждено.

Нет ничего, чего бы не хватало.
У вас есть все, лишь руку протянуть.
И, если вдруг, чего-то станет мало,
Идите дальше – долог еще путь...

Моей Мадаме

Я не могу не восхищаться вами,
Роскошным станом, небом ваших глаз.
К вам обращаясь ласково, Мадама,
Пытался чувства выразить не раз.

И снова обращаюсь к вам, Мадама,
В перо вложив все чувства в этот раз:
– Пусть не сгибается ваш стан упрямо
И не тускнеет небо ваших глаз.

И улыбкой вашей озаряя,
Восхищайте многократно нас,
Я же вновь цветущим юным маем,
К вам обращусь, Мадама, и не раз.

Аннушке

Я тепло твоей доброты
Пью как сладкий, лечебный мед,
Но, а прелесть твоей красоты
Вознесу, как небесный свод.

И страданием всем твоим
Настрадаюсь я ровно, как ты,
О тебе песню петь любви
Буду нежно на все лады.

Ты дремавшую душу мою,
Пробудила, как будит весна
Я тебя всей душою люблю
Пробудившийся ото сна...

Художнице Эльмире 3

Ваши картины – совсем не вы,
Они не свободны как вы, не уверенные.
И пусть будет вам это – увы.
Но, вы отточеннее, вы проверенная.

Ваши шаги по жизни – трудны.
Это – не гуашь, не масло с акрилом.
Вам же мысли людей видны.
И холод жгучий на личике милом.

Вам не кистью работать, нет.
Вам пером бы сердца лечить.
Теплым словом дарить людям свет.
И счастливою этим жить...

Букетик слов

Букетик слов, преподнесенный вдруг,
Взращённых чувствами, оформленных умом,
Ей солнцем стал, все озарив вокруг,
Что раньше ей казалось только сном.

В нем – в каждом слове истина звучит.
Он аромат надежды излучает.
Не от того ли сердце так стучит
И воздуха как будто не хватает.

Свобода

21. И навел Господь Б-г оцепенение на человека, и он уснул. И взял Он одну из его сторон, и закрыл плоть под нею.

22. И отстроил Господь Б-г сторону, которую взял у человека, (чтобы ему быть) женой, и привел ее к человеку.

23. И сказал человек: Эта на сей раз! Кость от моих костей и плоть от плоти моей! Эта названа будет женой (иша), ибо от мужа (иш) взята она.

24. Потому покинет муж своего отца и свою мать, и прильнет он к жене своей, и станут они плотью единой.

Беришит

Она меня спросила: «Ты женат?»
Я ей ответил, улыбаясь: «Нет»
В уста её – в надломленный гранат,
Глазами впился молодой поэт.

Она ж глазами в никуда уйдя,
Продолжила: «А я в семнадцать лет,
Нетронутое опытом дитя,
Ушла в совсем мне незнакомый свет.

Мы не имели мнения тогда.
И не по воле выдавали нас.
Родители нам были, что орда.
Никто не слышал вопиющий глас.

Теперь – свобода! Я разведена!
Я бабушка и вижу новый свет»
– Что тут хорошего, коль вы одна?
Ей удивился молодой поэт.

– Свободы смысл – он не знаком тебе!
И тут вдруг к небу устремила взор.
– Поверьте, это так знакомо мне...
Я ей ответил, выслушав сей вздор.

«Нет, ты не знаешь», – вновь затрепетав,
Сказала мне «свободная душа»,
«Ты молод и поэтому не прав,
Я знаю, ибо там уже была»

Представил я, как раньше ей жилось,
И отчего теперь ей так легко.
Но сможет ли она взглядеться сквозь
Меня, насколько можно глубоко.

Семнадцать – далеко не тридцать лет.
В семнадцать был я ветром во степи.
Но без ребра – не полон мой скелет.
И больно без него – как ни терпи.

Где вы братцы, где мои сестрицы?

Волки стаями всегда кочуют,
Косяками небо режут птицы.
Им тепло, не страшно в снег и бурю,
Среди них все братцы и сестрицы.

Глаз за глаз и зуб за зуб отнимут
Глупые, без разума скотины.
Слабым сильные все дышат в спину,
Чтобы с неба не упасть в пучину.

Им закон не писан птице, зверю,
Человек имеет мудрость в сердце.
И спасающую душу, веру...
Почему же негде ему греться?

Почему не дышит другу в спину,
А напротив – в глаз готов вцепиться?
Не успеет кто-то рот разинуть,
Как вонзят ему под дышло спицу.

Все дано Всевышним нам для жизни,
И закон нам дан, как карта счастья.
Следовать ему – и все капризы
Утолим, не ведая ненастья.

Вижу, волки стаями кочуют,
Косяками небо режут птицы.
Им завидуя, по доброте тоскую.
Где вы, братцы, где, мои сестрицы.

Любить лишь можно только раз...

Любить лишь можно только раз...
Нет, нет, совсем это не правда.
Иначе не было б для нас
До старости другой отрады.

Иначе сад в живой душе
Увял бы навсегда и сгинул.
И отлюбивши на заре,
В рассвете сил ушли в могилу.

Но вечен сад наш для любви
И коль любовь уже увяла,
Ты помолись и позови
И жизнь свою начнешь сначала.

Увидишь ты, придет она –
Любовь. И день твой станет ярче.
Её нам не испить до дна,
Нам жизнь не жизнь была б иначе!

Молодой апрель

Голубеет небо,
Лучезреет день.
Я встречаю негу,
Погружаюсь в тень.
Ах как много света!
Птиц слышна свирель.
И ласкаем ветром,
Молодой апрель.

Новая правда

Я новую правду открою
И пусть я вам буду пиит,
Душа не бывает больною,
То разум нам душу чернит.

То мысли в плену нас содержат
И правят душой как хотят,
Поэтому в сердце и скрежет,
Но вы уж увольте меня.

Ей воля нужна для здоровья,
Без мыслей, без дум, без мечты.
Чтоб фибрами впиться любовью,
В моря в небеса и в цветы.

Чтоб вольно отдаться другому,
Тогда мы поймем, что хотим.
Снимите же мысли – оковы.
Не то этот груз нестерпим.

Мы мыслим и мыслим, и мыслим,
Сжимая душевный очаг.
Никак не подымимся в выси.
Наш разум – единственный враг!

Приветствует Дима

И в осень, и в весну,
И в лето, и в зиму.
Любовь лишь одну
Приветствует Дима.

Если б стены говорить могли...

О, если б стены говорить могли,
И мебель наша и ковры и люстры,
Карнизы, что скрываются в пыли
И зайчик солнечный, неугомонно шустрый.

То, как бы было стыдно пред людьми,
Пред женщинами, женщинам пред нами.
За ночи, в коих были не одни,
За слезы, что ручьями извергали.

Но если б стены, люстра и карниз,
И остальное, были б нам друзьями,
То утоленным был бы наш каприз –
Они бы о любви лишь песнь слагали.

Но никому не преданный язык,
Все выдает и всем, и без разбора.
И хорошо, что все ж он не брюзжит
И все, что в комнате всегда молчит покорно.

Нега

Голубеет небо.
Лучезреет день.
Я встречаю негу.
Погружаюсь в тень.
Ах как много света.
Птиц слышна свирель.
И ласкаем ветром
Молодой апрель.

Роза

Роза полнокровная, ароматная,
Взгляду и дыханию приятная,
Что питает тебя и что поит?
Отчего ты алая, отчего ты статная?

От того я алая, что давным-давно,
Парень с девушкой здесь слились в одно.
Поцелуй их сладкий был так длителен,
Что бездыханность их жизнь оборвало.

Аромат же мой – аромат любви.
Ведь в любви они жили дни свои,
Но, а стан мой идет от их стройности,
Станы были у них кипарисовые.

Не хочу...

Не хочу обманываться боле,
Не желаю слышать смех сатира.
Я устал от этой глупой боли,
От собою созданного мира.

Не хочу я соблазняться боле,
Словом фонтанировать не буду,
Тем что есть лишь так напьюсь я вволю
И с насмешниками буду грубым.

Нет в душе уж места для иллюзий,
Да и ранам нету места в сердце.
И никто мне голову не вскружит.
Посторонним в них закрыта дверца.

Кассирше

Я восхищаюсь, я люблюсь, я пою!
Ибо душа моя поет, узрев тебя:
Твой кроткий взгляд, улыбку нежную твою
И очи, добротою что блестят.

Что этот весь роскошный магазин,
Когда за кассой ты, прекрасная, стоишь.
И затмевая тысячи витрин,
Красой своей клиентов всех пленишь.

Тебя воспеть в стихах, не хватит слов,
Но чувствами богаче человек.
Ты воплощение мечты, ты образ снов,
Любой бы образ пред тобой поблек.

Не мог не выразить я чувств своих,
Не в силах скрыть был я блаженство рая.
Всегда будь счастлива, ты, красотой блистая
И с снисхождением прими мой стих.

2007

Хайфский фонтан

Вот это дождь, вот это ветер!
Вот это брызги серебром!
И нет фонтана лучше в свете,
Чем ветер в гармонии с дождем!

Джульетте

И сколько буду я еще так ждать,
Покуда образ милый твой узрю.
И сколько буду я еще страдать?!
Мне не кем жить, мне некуда бежать.
С тобою только буду я в раю.

Я просыпаюсь с именем твоим
И с именем твоим я засыпаю.
Мне без тебя весь этот мир не зрим.
И жаждой – быть с тобою, лишь томим,
Я в ожидании всю молодость сжигаю.

Ты хочешь видеть маковый расцвет.
И видишь себя маки собирая.
Но маки есть, тебя ж все нет и нет.
Но алость тоже свой теряет свет.
Ведь время – оно лечит и сжигает.

Не дай цветам тем в одиночестве сгореть.
Дай руку и пойдем дышать цветением.
Приди ко мне, чтоб душу мне согреть.
Не дай любви цветущей умереть,
Но дай упиться счастья наслаждением.

2007

Любовью вволю я упьюсь

Любовью вволю я упьюсь
И пропитаюсь ею я.
Быть может завтра снова грусть
Вползет, как скользкая змея.

Где ты?

В ней столько крови, доброй тёплой крови.
И с кем бы поделиться только б с кем,
Чтоб после не было до плача, вопля, боли.
Но было б счастье, неземной Эдем.

В ней столько ласки, нежной, милой ласки,
Кого бы ею одарить, кого?
Чтоб не прильнуть к красивой яркой маске.
Под ней же только холод и всего.

Ей бы раскрыться, полностью раскрыться.
Проникнуться любовью до небес.
Устами сладкими в уста нектаром впитаться.
Сорвать застенчивости занавес.

Ей хочется любить, любить безумно.
И быть любимой, любимым без границ.
Пусть любит в поле, или любит в трюме.
Под шум прибоя, или пенье птиц!

Она и Б-га чтит, людей всех любит
И помощь оказать всегда бежит.
Где ты! Приди! Приди и всею грудью!
Прильни к её груди, пусть вся дрожит.

Пусть вся трепещет. Пусть волна уносит.
Пусть крик блаженства вырвется извне!
Дай ей любви, она не много просит.
Хотя что может быть любви сильней!

Петушок и курочка

Было ль, не было ль, не знаю,
Но сказать могу одно,
Что об этом в нашем крае
Слух прошел давным-давно.

Дело было в день осенний.
В эти дни идут дожди.
В это время даже в сени
Без труда вам не пройти.

Заливает все в округе;
Гром гремит, тряся дома;
Весь аул, бросая плуги,
Ждет, когда придет зима.

Тут пролог свой завершаю,
Начиная сам рассказ,
О ненастье в нашем крае.
Все, как было, без прикрас.

На краю аула, в поле,
Жил красавец-петушок.
Дом он выстроил из соли,
В красоте он был знаток.

Солнце ведь, когда лучится
В день, когда цветет орех,
Соль блестит алмазом чистым,
Очаровывая всех.

Но бедняжка, наш красавец
В физике совсем был ноль –
Он не знал, что соль – не сланец
И вода размочит соль.

И настал тот день ненастный,
И смыло дом дождем.
Нам стихия не подвластна,
Заливает все кругом.

А с красавцем по соседству
Курочка одна жила.
Златоклювая же с детства
Петушку была мила.

У соседки дом был славный,
Лубяной был дом её,
И узорчатые ставни
Прикрывали в нем окно.

Но, а домику такому
Дождь не страшен, как ни лей.
Не боится он и грома,
И непрошенных гостей.

Вспомнил тут шелкобородый
О соседке в этот день
И пошел, не зная броду
К нежной пассии своей.

Ветер все сильнее и стуже,
С клюва капает вода,
Лапки по колена в лужах...
Вот стихия, вот беда.

Наконец дошел бедняжка
До желанного двора.
И озябшею костяшкой
Стал стучатся в ворота.

И кричит «Пусти, соседка!
Я остался под дождем!
Дом мой смыло словно щепку!
Ведь из соли был мой дом!

А соседка отвечает:
«Дождь и совесть твою смыл?
Я не кура там какая!
Убирайся! Будь так мил!»

Тот в ответ: «Ты что, родная!
Что за неуместный крик!
Неужели я не знаю,
Что чиста ты, как родник!

То ужасная стихия
Вдруг обрушилась из вне!
Я ж теперь совсем бессилен!
Ты ж теперь – что ангел мне.»

Тут и курочка смягчилась
И кудахчет словно мать:
«Не горлань тут, сделай милость,
Не оставлю подыхать.

Подымайся на крылечко,
Но не ближе и на шаг,
Да, и чтобы ни словечка,
Много сделано и так».

Прокудахтав сладкогласо,
Куручка закрыла дверь,
А сосед за мысли сразу:
Что же делать мне теперь?

И пока шелкобородый
Мысль свою перебирал,
Куручка к столу подходит
И давай лепить хинкал.

Сердце в куручке забилося
Словно бес проснулся в ней,
Запестрели перья крыльев
Яркой тысячей огней.

То вдруг челочку поправит,
То умоет клювик свой,
То еще что не по нраву –
В общем не найдет покой.

И на печке оказались
Сковородки, котелки.
Затомился плов в казане,
Задымились шашлыки.

Аромат еды почуяв,
Петушок вскочил, как в бой.
И запел он песнь такую,
Искушаемый судьбой.

– О златоклювая красотка,
Птица райская моя.
О, прошу, не будь жестокой.
Не губи меня зазря.

Я тебя не потревожу,
Хоть давно дышу тобой
И не стану тебе ношей,
Милая, прошу, открой.

Дверь, соседка, открывая,
Молвит петушку ответ:
«Ты петух наглец без края,
Что таких не видел свет!

Что решил себе позволить,
Как свой клюв посмел раскрыть!
О ты горе, мое горе!
Что за меренская прыть!

Как не стыдно тебе только,
Что за дерзость, что за ор?!
Заходи и потихоньку
Забирайся на ковер».

И метнув огнями крыльев,
Златоклювая ушла,
А сосед в уме прикинув,
Стал решать свои дела.

Вдруг головку поднимая,
Гребень пикой наострив,
Он запел, как кенар в мае
На лирический мотив:

«Вижу, вот моя жар-птица,
Сказка добрая моя,
О, как сердце веселится,
На душе встает заря.

И душой парю, как голубь,
К милой горлице своей.
Это чудо, но не сон ли,
Опьяняет сном царей?

Мне бы рядом очутиться,
К сердцу трепетом прильнуть,
Моей сказочной жар-птице
И познал бы счастья суть».

– Что-то ты петух распелся,
Вдруг соседка говорит,
– Ладно, сядь к столу, повеса,
Уж недолго до зари.

Поклевав слегка хинкала,
Молвит гость, взглянув в глаза:
«Ты вина бы не достала,
С этим же не пить нельзя?».

И достала она водки,
Слова больше не сказав,
Разлила смирено в стопки,
Отведя свои глаза.

Сколько так сидели птички,
То лишь помнят небеса,
Мы лишь знаем, что яичко
Вскоре курочка снесла.

Разговор с Беллой

Хорош грустить! Давай смеяться!
На что нам томность серых дней!
Весельем пусть глаза искрятся!
Давай, родная, веселей!

Не нужно вызывать печали!
Улыбкой нам сердца согрей!
Не много ль мы её встречали!
Не мало ль веселящих дней!

Для этого немного нужно,
Лишь отгоняя серость прочь,
Мы засмеёмся вместе дружно!
И осветим весельем ночь!

2

Нет, дорогая, мы не пишем,
Мы сотворенное вершим
И тем возносимся все выше,
Пройдя вершины всех вершин!

И глаз чужой пусть нас не видит,
У нас свой мир, и в нем на жить.
На место греческой Ириды
Еврейка встанет, радом жид!

Мы разнесем по белу свету
Всю ясность голубых небес.
И пусть весь мир придет к Ответу
Узнав от нас благую весть!

Назовешь ли ты меня повесой
Или ненормальным назовешь,
Я тебе собою интересен
Вызываю в теле твоём дрожь.

Твоя ласка для меня – придурок
И «бездарный» – комплемент твой мне.
Я же песнь пою от трубадура,
Переливом дорогих камней.

Душа наполнена мечтами...

Душа наполнена мечтами
И сердце верит в благодать.
Сижу в раздумьях вечерами,
Перед дрожащими свечами,
В углу смиренно ждет кровать.

Застеленная покрывалом,
В багровых бархатных цветах.
Ждет милая, пока устало,
Укроюсь теплым одеялом,
И потеряюсь в сладких снах.

Душа наполнена мечтами,
И сердце верит в благодать,
Но вечера идут годами,
Устал мечтать перед свечами,
И сидя у кровати, ждать...

Общество поэтов

Я находился в обществе поэтов
И в нем отраду жизни ощутил.
В нем столько доброты, порывов, света!
В нем столько мне необходимых сил!

О магия пленительного слова!
О души, коим дорог свежий стих!
Я внемлю вам и буду слушать снова!
Вас, пробудивших трепет чувств моих!

Галилея

Хочу туда, на эти выси,
Где в облака окутан мир;
Не думать ни о чем, не мыслить,
Вдыхать Б-жественный эфир.
Прохладой вылечить недуги;
Купаться в молоке небес,
Не видеть ни врага, ни друга;
Уйти за белый занавес.
Пусть дышат члены, разум стынет
И очищается душа.
Я так устал и жажду ныне
На эти выси убежать.

2

Нет лучше времени, чем солнечное утро
В прекрасной, зеленью укрытой Галилее.
Здесь зарево играет перламутром,
И облака вам служат колыбелью.

Дороги всё змеятся серпантином.
И, кажется, не будет им конца;
И с ними убегаешь от рутины
В глубь в высоту, к Большой руке Творца!
И вот, вдыхая утро Галилеи,
Осознаешь, что каждый Б-жий день –
Есть Дар Всевышнего, Который нас Лелеет,
Как райский сад под сладостную трель.

2008

Досье на Марию Песикову

Читая Северянина сонет,
Насыщенный, словно фруктовый сад.
Она в душе всегда найдет ответ
И в миг созреют тысячи баллад.

Смакуя слово каждое в стихах,
Мария воплощается в него.
Из сердца так и рвется «ох!» и «ах!»
Поэзия ей – лучшее вино!

Сама имея «царский» интеллект
И обладая знанием лингвиста,
Она слагает чувственный сонет,
Читая с декламацией артиста.

Узнав Марию, каждый в ней найдет,
Искусного поэта и ребенка.
Мария жизнь поэзией живет
И лирикой, и футуризмом звонким.

Долги

Нет, я на подлость не способен!
Ни на аферы никакие.
От этой грязи я свободен,
Мне эти качества чужие!

Бываю в яме я порою,
Нуждаюсь в дружеской спине.
Свой стыд пред вами я не скрою,
Но не оправдываюсь, нет.

О что-то нужно опереться,
Но и моя спина всегда,
В любое время, в нужном месте,
Для вас, мои друзья тверда.

Всегда я духом тверд пред Б-гом.
Он всем и Сила, и Добро.
У если Бес подставит ногу,
Г-СПОДЬ Поднимет всё равно.

Поднимет, на ноги Поставит
И силой новой Наделит,
И вновь примчусь к вам легкой ланью,
И буду тверд как монолит.

Нет, я на подлость не способен,
Вам все вернется, все сполна.
Я буду от долгов свободен,
Все выплатится, все до дна.

Кому теперь за тридцать

Я дамы, вам пишу, кому теперь за тридцать.
Я вас пою, и эта лучшая из песен.
И эта жизни вашей лучшая страница,
И с вами в ней парит мужчина в поднебесье.

Объятья ваши – не объятья юной леди.
Объятья ваши – они жаркие как лето.
О, как сладки и как сочны вы в годы эти.
Как плод тропический, вкушенный на рассвете.

Я, дамы, вам пишу, кому теперь за тридцать.
Я вас пою как свою лучшую из песен.
Пусть будет красочна всегда сия страница!
Чтобы мы чаще возносились в поднебесье!

Наливайте бокалы

Наливайте бокалы.
Наливайте полней.
Подымаем наш тост,
За подруг и друзей!

Выпьем вместе до дна,
Выпьем, снова нальем.
Будем пить до утра,
Будем петь за столом!

Будем петь веселей,
Чтоб услышал весь мир.
Нету ближе друзей,
Там, где мы, там есть пир!

2010

Юность

Как коротка и как сладка была нетронутая юность.
Мечты, невинные мечты, лишь сердца чаще стук звучал.
Увидеть все, но не понять, что это грёзы улыбнулись.
И это – жизни есть начало. И нет прекраснее начал!

Но вот, проснувшись ото сна, осознавать тебе так трудно,
Что это был лишь только сон, но не прелюдия была.
Наивные мечты ушли, нам предоставив мир сей скудным.
И вот уходишь не в мечты, а в те былые времена.

Инессе Матвеевне (ל״ז) от детей и учеников

Вы не спите ночами, вы терзаете нервы и душу.
Вы и мать, вы и бабушка, вы и самый большой педагог!
Зависть, подлость, и мелочность мелких людишек вас душат.
Но любовью, теплом и умом Одарил вас наш Б-г!

Умных умные только поймут и богатство безмерной души
Могут те оценить, кто душою богатые сами.
Кто и сколько получит за все.

Только Он, Кто все Видит, Решит.
Вы свое отработали кровью, трудом и слезами.

Берегите себя, берегите для нас наконец!
Вы нам очень нужны, как бывает нужна сыну мать.
Принимайте лишь только тепло благодарных сердец.
Дай Вам Б-г, Дай вам силы и веры свой путь продолжать!

Я наполню душу небесами

Я наполню душу небесами,
Вздохом душу напою свою.
Торы, оживляющей словами,
Каждый фибр в себе я оживлю!

Улыбнусь я, утоляя жажду,
Засмеюсь, насытившийся властью.
Мой Г-СПОДЬ Спасал и не однажды!
Да Пребудет с нами Его власть!

Колыбельноголосой Людмиле
посвящается

Где вы были давно-давно?
Чем вы жили и чем созревали?
Нам познать пока не дано.
То, что вы когда-то познали.

Что смогло вас вот так обуздать?
Вы же женщина, значит упрямы.
Но сегодня – морская гладь...
И забыты былые раны...

Но сегодня, лишь колыбель,
Чтоб не слышали ваши тревоги.
Нам звучит, как цветущий апрель.
Далеко потерялись дороги.

Далеко вы оставили тех,
Кто обуздывал вас когда-то.
Где ваш радостный искренний смех?
День пришел, этот день расплаты.

Стихотворить

И вновь стихотворить... Ведь я люблю.
Как, вновь любить?! Да-да, всю жизнь свою!
Кого ж любить, вы спросите. Да всех подряд!
Но Первым лишь Его! Я Б-гу рад!
То значит, рад я ежедневно, еженочно!
Он рядом, и всегда и это точно!
И, вот, стихотворю, стихотворю...
Ведь я люблю, люблю, люблю...

Стихотворить 2

Хочу стихотворить, благодаря
Всевышнего, что дарит веру мне.
За небо, солнце, горы и моря,
За вас, родные, близкие друзья!
Хвалу, Г-СПОДЬ, преподношу Тебе!

Стихотворить 3

И вот, благодарю ЕГО ЗА ТО,
Что хочется еще стихотворить.
И этим душу встрепенув, возвысить.
Чтоб ею всё парить, парить, парить,
Пока натянется уж до предела нить.
И выбросить не нужные мне мысли.

Да! Снова Мордэхай стихотворит.
Ведь это пища, словно манна с высоты.
И чтоб стихотворить, рожден пиит.
Всегда, везде, пока душа не спит.
Будь Вдохновителем, как был и раньше, Ты!

Стихотворить 4

Ох, чувствую, пора стихотворить.
Есть, кто читает, есть кто тонко слышит.
Дам вам нектара душетворного испить –
И пусть любовью ваше сердце дышит.

Ведь для любви мы все тут рождены!
И будем дополнять друг друга ею!
О Пусть Г-СПОДЬ ИЗ ВЫШНЕЙ ВЫШИНЫ
ВСЕГДА ЛЮБОВЬЮ ЭТОЙ НАС ЛЕЛЕЕТ!

* * *

Не могу не творить для вас.
Потому, что вы часть меня.
И поэтому в этот раз.
Вы – есть новая песня моя.

Вы – порывы моей души.
Вы – желанная доля моя.
Да, пиши, Мордэхай, пиши!
Ты родился на свет не зря...

Мордэхай будет петь вас всегда.
Ибо любит он вас до неба,
Ваши ласка, добро теплота
Меня греют всегда, где бы не был.

Дай вам Б-Г много радостных лет.
Вдохновения, силы, терпения!
И дарите всегда людям свет.
И в картинах, и в стихотворениях.

Как хорошо

Как хорошо, уставшим от работы,
Прийти домой, улечься на диван
и охмелеть от временной свободы,
не чувствуя ни тяжести, ни ран.

не думать ни о чем, но плыть по воле,
тихонько бороздя ночную гладь.
не знать физической, душевной боли,
закрыть глаза, и сладко засыпать...

Любите...

Любите, народ, друг друга!
Ведь что в нашей жизни – счастье?
Знать, есть, кто подаст вам руку
И – просто, сказать вам «здрасьте»

Не жить за семью замками.
Бояться, чтоб кто не обидел.
Но, лишь, услаждать языками.
И в людях добро чтобы видел.

Любить, да, чтоб так, как раньше.
До слез, до небес, до истомы.
Любите, народ, друг друга.
И счастье пребудет дома.

Красота

Когда пред тобой красота.
И вновь, СЛАВА Б-ГУ меня подрывает слагать.
Поэту не важно, о ком и о чем, и когда...
Ведь это стихия! Ведь это моя благодать!
Я с этим родился и это моя звезда.

Нежданно, не звано явилась она, как мечта.
В ней все то, что нужно художнику или поэту.
И как не воспеть, когда пред тобой Красота!
Как жизнь не любить, когда видите женщину эту!

Хуме

Восторженность вашу,
Восторженно вам воспою!
Тем выразив вам
Благодарность от сердца свою!

О, милая Хума! Всегда
Возвещайте добро!
И тысячекратно вам
В дом возвратится оно!

Пусть искрами или лучами,
Ваш голос прекрасный звучит!
Утрами и днями, ночами,
Вам внемлет покорный пиит!

Лидииной уснувшей Душе.

Но чем же душу вашу можно пробудить?
Чем окрылить её, чтобы смогли взлететь?
Да так, чтоб только звезды впереди,
Чтоб накопившееся всей вселенной спеть!

Вспоминаньем вызвать чувства в вас,
Когда все фибры расцветают по весне?
А может быть тот самый школьный класс,
Где вы учительница ваших первых дней.

Или напомнить о рождении детей,
Их первые шаги, их первые слова?
Кто может быть счастливей Матерей?
Чья из-за них седеет голова.

А может быть еще бывали ночи,
Когда на горло вам давили слезы.
Хотелось вам бежать, что было мочи.
Шипы в душе, когда вы ждали розы...

Так чем же душу вашу можно пробудить?!
Уж слезы подкатились к самому!
Вы Б-ГУ верьте!!! Спойте песнь ЕМУ!
И песнь польется! И душа проснется!

Веснеет

Вы наблюдали, как веснеет кругом?
Как трава зеленеет сочнее?
И цветы всё пестреют, и в дом
Радость входит, сердца нам лелея.

Вы взгляните в окно, но лучше
Прогуляйтесь по чарам Весны.
Небо чистое, нет и ни тучи.
Посмотрите же, будьте добры.
Не ищите почестей и славы!

Не ищите почестей и славы.
Ни к чему они, поверьте, ни к чему.
День придет, увянут ваши лавры.
Лучше посвятить себя добру.

Что дают чины вам в этой жизни,
Чтобы попить любовь, добро?
Выкиньте не нужные вам мысли.
Обратиться может чин в тавро.

Не теряйте время понапрасну.
Не теряйте близких вам людей.
Одиночество – оно опасно.
Будьте честными, и будьте же добрей.

Софисты

Мы влюбляемся в образ, придуманный нами
И себя обманув, мы софистами стали.
Мы влюбляемся в тех, коих и не встречали,
Или, встретив мельком, дышим только мечтами.

Мы стихи посвящаем иллюзиям нашим
И питаем надежду на мнимое счастье.
Нам и дни потускнелые кажутся краше
И, душой воспаряя нам хочется мчаться.

Мчаться к мифу,
стремиться к придуманной сказке,
Чтоб душою разбиться в момент о реальность;
Чтобы сердцем рыдать в ужасающей тряске
И порою идти на безумную крайность.

Мы влюбляемся в образ, придуманный нами,
И себя обманув, мы софистами стали.
Но затем отойдя от минувшей печали,
Снова жаждем иллюзий, и дыша лишь мечтами.

Доброе утро

Доброе утро!
Бодрое утро!
Радости всем
В этот день!
Все мы проснулись,
Ожили мы будто!
Прочь отгоняем лень!

Добрые новости!
Пусть прилетают!
Радуют нас до высот!
Пусть все желания
Б-Г исполняет!
Доброе утро, народ!

Истина

Один старик, поссорившись с друзьями,
Им бросил словно молнию в лицо,
Не буду я ругаться больше с вами,
Я не желаю больше слыть глупцом.

Все, ухожу я истину искать
И докажу, что в мире есть она.
Хоть землю всю придется истоптать,
Ее не встретив, не вернусь сюда

И тут друзья все засмеялись хором,
Но поспешили старика унять –
Стой, не иди, вернешься ты с позором.
И где же будешь ты ее искать.

Все жизнь свою ты на нее надеешься,
Всю жизнь свою из-за нее страдаешь.
Ведь это ж миф и никуда не денешься.
Послушай, ты не верно поступаешь.

Старик же ничего им не ответил,
Лишь посох взяв, пошел своим путем.
И истину ища лишь в целом свете,
Старик уже не думал ни о чем.

Старик имел прекрасную подругу,
Он предан был ей сердцем и душой.
Он с ней живя, нашел себе супругу
И, с ней живя, построил дом большой.

Он заимел детей, увидел внуков.
Он веселился с ней, он с ней и спал.
С ней отгонял и грусть свою, и скуку.
Теперь же с нею истину искал.

Всегда подруга милая при нем,
Она была при нем словно одежда.
И в одиночестве они были вдвоем,
Ну а подругой той была надежда.

Так брел герой наш месяца и годы,
Мок под дождем и зноем был томим.
Но не мешали путнику невзгоды,
Подруга милая была все время с ним.

И так дошел он до горы высокой,
Которая терялась в облаках
И к чьей вершине не было дороги,
Гора в терновых заросла кустах.

Но наш герой кустов не испугался,
Не испугался так же высоты.
Он шел вперед, упав, вновь поднимался,
Пока он так не вышел на пустырь.

На пустыре том он увидел дом,
Весь скособоченный и с щелями в стенах.
Весь мир, казалось, позабыл о нем,
Крыльцо его кишело в пауках.

И тут в домишке дверца закрипела,
Открылась паутину разрывая.
И в балахоне на сухое тело,
В дверях явилась бабушка седая.

Ее седины хаотично развеваясь,
Ей придавали очень жуткий вид.
Лицо ее в морщины погружаясь,
сжимало сердце как от тысячи обид.

И только взгляд ее пронзительно-прямой,
Что маску снимет с каждого актера,
Магнитя, околдовывал собой.
И все пред ним бессильны были б взоры.

Тот взгляд служил короной для нее,
Но, а короны нет ценней на свете.
Ведь царь – Он царь с короной лишь на нем,
Так Соломону муравей ответил.

Старуха пристально на гостя посмотрев,
Спросила его с ласковой улыбкой:
Ты как пришел сюда тряпье надев,
Терновник разошелся нынче шибко.

Ведь здесь людей давненько не бывало,
Забыли все меня как страшный сон.
А я ведь только всем добра желала,
Но ты-то что ища, сюда пришел?

Старик от шока еле отойдя,
Вновь не решаясь на хозяйку ту взглянуть,
Поведал все, как было про себя,
Стараясь, словом, чтоб не обмануть.

Старуха гостя выслушав рассказ,
Ответила, сбылась мечта твоя.
Она перед тобой стоит сейчас,
Да, истина, мой милый, это я.

Тебе я верю, говорит старик,
Но кто же из друзей поверит мне?
Как объяснить, что видел я твой лик?
Они ж мне скажут, ты в своем уме???

Старуха-истина вздыхая глубоко,
Ответила– скажи им все сполна.
Не говори лишь только одного,
Не говори им, что я так страшна.

Немного о поэзии для молодых поэтов

Здравствуйте дорогие братья и сестры, братья и сестры по перу, по духу, по крови!

В IV выпуске поэтического сборника «Русская лирика в Израиле» я писал: Тот, кто дышит поэзией, тот знает, что ПОЭТ ПОЭТУ – брат. Прочитав это, многие на меня чуть ли не с кулаками набросились, кто-то даже выкрикнул: – «Поэт поэту – волк!».

Нет, дорогие мои, поэт поэту – именно брат! И в семье бывают недопонимания, зависть и прочее. Но я верю, что мы будем любящими братьями и в основном, понимающие друг друга.

Теперь же я хочу немного рассказать вам о том, через что проходят поэты, прежде чем достичь успеха в первую очередь для самих себя; то есть, чтобы прежде, донести до читателя, убеждаются в том, что они достаточно созрели для широкой, понимающей поэзию, публики; ибо чувствующих и понимающих много, хотя не на столько, на сколько хотелось бы.

Меньше всего хотелось бы якать и прослыть хвастуном, но по моему мнению немного привести себя в пример в этой статье не будет неуместно.

Меня относят к молодым поэтам, но Слава Богу относят, чем я и счастлив.

Нет, конечно, я не знаменит и меня в основном читают скорее всего те, которые любят меня, как человека близкого по духу, по крови... но читают и иногда хвалят; хвалят и в тоже время указывают на огрехи. И, дорогие мои начинающие поэты – это намного лучше, намного отраднее, когда тебя, хваля, указывают на огрехи; нежели только хвалят или того хуже, когда только хулят.

Чтобы излагать свои чувства и мысли о них в стихах, нужно не только обладать этими чувствами и мыслями, но и обладать интеллектом, словарным запасом (не чтобы подрождать, но чтобы иметь потенциал, который поможет для сего действия), знанием правил построения стихов (поэтики) – рифма, ритмика, ударный слог, стилистика. Особую прелесть придает стихам образность.

В последнее время обнаруживается критиков и рецензентов, не пишущих стихов, чуть ли не больше, чем самих поэтов уже кем-то, да признанных.

Но это не плохо, ибо один из критиков силен в языкознании, другой же в самой поэтике. Есенин писал в автобиографии: «Блок научил меня лиричности, а Клюев и Белый форме».

Когда сам пытался сформировать стихи в строфы, а строфы в законченные произведения, я обратился к одной из поэтесс. Она же, если не с отвращением, но с излишним пафосом отказала мне в участии в своем альманахе. Пришло время, и я как-то указал ей на орех в одном из её произведений. Другой же поэт, которого я люблю, как человека и почитаю, как большого поэта помог мне. Совсем немногим помог, но очень нужным и необходимым, в конце, сказав, чтобы продолжал писать и тем самым дал мне мотивацию для дальнейших творений. Ещё запомните: не, каждый критик, который сам является автором (поэтом, писателем) чистосердечно, великодушно и справедливо признает ваш талант; ибо ему, бедняге кажется, что он этим унизит свой талант. Да что тут говорить, когда сам Л.Н. Толстой и М. Горький чернили и клеймили великих потов символистов, у которых, что ни стихи, то песня – да какая песня! По этим великим поэтам-символистам, как Поль Верлен, Артюр Рембо и Стефан Малларме учатся творить и в наше время.

Есть желание писать; чувствуете, что вам это необходимо – пишите, шлифуйте свои произведения; показывайте

своим старшим по перу. Не примет один, примет другой, не другой, так третий... Слушайте и прислушивайтесь.

Имеется множество литературы посвященной поэтике, так же вы можете зайти в интернет на сайт stihi.ru.

Если посчитаете, что я вам буду чем-то полезен, пишите мне на e-mail: mordirahanaev@gmail.com

Желаю вам творческих успехов!

Мордэхай Раханаев
Браки заключаются на небесах
Роман и стихотворения

Редакторы и корректоры:
Роза Мардахаева-Данилова
и Эльмира Шалумова.

Вёрстка и художественное оформление:
Шауль Симан-Тов.

Сборник подготовлен к изданию
Центром сохранения и развития национальных традиций,
самобытности языка, культурного
и исторического наследия горских евреев «Sholumi»
и выпущен מרכז יוצאי אזור בייג'ן אזיז.

Подписано к печати: 2.2.2021
Отпечатано в Израиле
ISBN 978-965-7783-02-3

© מרכז יוצאי אזור בייג'ן «אזיז», 2021.
© Центр «Sholumi», 2021.